

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

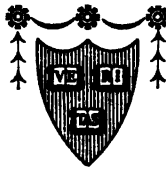
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

674

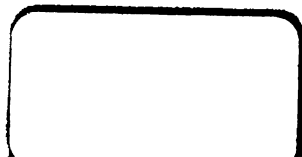
-50

221384

Harvard College
Library

FROM THE BEQUEST OF
SUSAN GREENE DEXTER

зала 34
шкаф 53
полка
№ 1175

Е. И. Аренъ

РУССКІЙ ФЛОТЪ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

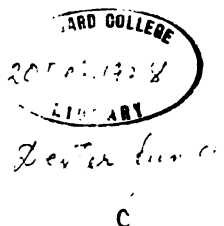
С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ИЗДАНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ ЗАГOTOВЛ. ГОСУД. БУМАГЪ

1904

Slav 645. 25

✓

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 Октября 1904 г.

ПЕЧАТАНО ВЪ ЭКСПЕДИЦИИ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ

РУССКІЙ ФЛОТЪ.

I.

Въ 865 году стая русскихъ лодокъ неожиданно появилась подъ стѣнами Царьграда, и съ тѣхъ поръ нашъ народъ сталъ всѣмъ извѣстенъ подъ именемъ *русскаго*: „нача ся прозывати Русская земля — отселѣ почнемъ“, говоритъ по поводу этого событія древнѣйшій нашъ лѣтописецъ Несторъ.

Такимъ образомъ, исторія Россіи начинается съ морского набѣга, за которымъ слѣдовало множество другихъ.

Древняя Русь прилежала лишь къ одному *Варяжскому* (нынѣ Балтійскому) морю и представляла громадную равнину, покрытую дремучими лѣсами. Дорогъ не было, ихъ замѣняли многоводныя рѣки. Волга, Днѣпръ и Западная Двина почти сплошными путями соединяли Балтійское море съ Каспійскимъ и Чернымъ. Этими путями шли къ намъ товары изъ средней и южной Европы и далекой Азіи; по нимъ же двигались первые русскіе князья со своими дружинами, сплотивая разбросанныя славянскія племена въ одинъ русскій народъ.

Особеннымъ значеніемъ пользовался великій путь „изъ Варягъ въ Греки“, т.-е. изъ Варяжскаго моря въ Грецію или Византійскую имперію, съ ея пышной столицей Царьградомъ, иначе Константинополемъ. Вмѣстѣ съ драгоценными металлами и шелковыми тканями отсюда проникли къ намъ начатки греческой образованности и первые лучи свѣта Христова.

Походы въ Черное море повторялись такъ часто и производили такое сильное впечатлѣніе на прибрежныхъ жителей, что его стали называть *Русскимъ моремъ*. А на одной изъ площадей самага Царьграда долгое время красовался памятникъ съ начертаннымъ на немъ предсказаніемъ о взятіи русскими Византіи.

Нужно было имѣть много мужества, находчивости и искусства, чтобы на своихъ долбленыхъ челнокахъ рѣшались выходить въ открытое море и вступать въ борьбу съ однимъ изъ могущественнѣйшихъ флотовъ того времени—греческимъ. А русскіе водоходцы ухитрились при этомъ еще и побѣды одерживать. Послѣ одной изъ нихъ, въ 907 году, князь Олегъ, по старинному обычаю, въ знакъ примиренія повѣсилъ свой щитъ на воротахъ Царьграда. Въ княженіе же преемника его Игоря русскія суда ходили даже съ греческимъ флотомъ въ Италію.

Являясь единственными путями сообщенія внутри страны и связывая населеніе ея съ отдаленными морями, рѣки и озера способствовали развитію въ народѣ морскихъ качествъ. Предпримчивые и отважные славяне старались заводить со своими сосѣдями торговля сношенія, не брезгая и грабежомъ. Приобрѣтенную добычу приходилось зачастую защищать оружіемъ отъ покушеній печенѣговъ, хазаровъ, половцевъ и другихъ населявшихъ южныя степи кочевниковъ. Естественно, что первымъ нашимъ купцамъ необходимо было быть и воинами.

Суда ихъ вырубались изъ цѣльныхъ деревьевъ, почему и назывались *однодеревками*. Для морского плаванія борта ихъ возвышались набойными досками и такія лодки получали названіе *набойныхъ*. Кромѣ весель, онѣ имѣли и паруса. Каждая изъ нихъ вмѣщала около 50 чело-вѣкъ. Суда эти были весьма нехитраго устройства, но они удовлетворяли тогдашнимъ требованіямъ: быть настолько легкими, чтобы ихъ можно было волокомъ перетаскивать въ обходъ рѣчныхъ пороговъ или изъ одной рѣки въ другую, и настолько прочными, чтобы выдерживать морское плаваніе.

Первые князья, прибывшіе на Русь изъ-за моря (Варяжскаго), не внесли, однако, въ судостроеніе никакихъ улучшеній. Только лѣтъ триста спустя, на Днѣпрѣ появились впервые палубныя суда, болѣе поворотливыя и лучше приспособленныя для боя. Положеніе заморскихъ правителей въ чуждой имъ странѣ оставалось долгое время слишкомъ непрочнымъ, чтобы они могли поку-ситься на какія-либо общія преобразованія въ искони установившемся промыслѣ. Князья со своими дружинами могли въ этомъ отношеніи слѣдовать лишь за народомъ и становиться во главѣ предпріятій, выгодныхъ для на-селенія.

Дѣйствительно, въ тѣ далекія времена торговля на Руси была весьма обширна. Объ этомъ лучше всего сви-дѣтельствуютъ многочисленные клады, и по сейчасъ находя-димые на древнихъ рѣчныхъ путяхъ.

II.

Возвращаясь изъ похода въ Грецію въ 972 году, князь Святославъ былъ убитъ печенѣгами, подкараулив-шими его у Днѣпровскихъ пороговъ. Послѣ его смерти

русская земля досталась тремъ его сыновьямъ: Ярополку, Олегу и Владимиру. Пошли небывалыя доселѣ ссоры и междоусобицы изъ-за удѣловъ, тянувшіяся болѣе 250 лѣтъ. На истерзанную и обезсиленную этими кровавыми распрями Русь налетѣли затѣмъ татары и еще столько же лѣтъ держали ее подъ своимъ жестокимъ ярмомъ.

Зарождавшееся морское могущество страны было подрѣзано въ корнѣ. Образовавшіяся на Волгѣ татарскія царства, Казанское и Астраханское, отрѣзали Россію отъ Каспійскаго моря, а покорившіе Византію турки — отъ Чернаго моря. Свободнымъ оставалось одно лишь Балтійское море, и доступъ къ нему ревниво охранялся уцѣлѣвшими отъ татарскаго погрома новгородцами. Владѣя Невой, составлявшей выходъ главнаго рѣчнаго пути изъ Балтійскаго моря въ Черное, они вели обширную морскую торговлю съ обитателями его береговъ. Въ поискахъ за новыми промыслами и приобрѣтеніями новгородскіе купцы-мореходы проникли въ Печорскій край, укрѣпились въ устьѣ Сѣверной Двины и ходили даже въ Карское море и на Новую Землю. Норвежцы или *Мурмане* вынуждены были уступать имъ свои насиженныя здѣсь гнѣзда; соседнія племена—Корелы, Эсты и Эмь—платили имъ дань.

Даже въ тяжелыя татарскія времена новгородцамъ удавалось одерживать побѣды надъ шведами, старавшимися воспользоваться безотраднымъ положеніемъ Россіи. Въ 1240 году новгородскій князь Александръ Ярославовичъ разбилъ ихъ на Невѣ, почему и прозванъ *Невскимъ* *). Нѣкоторое время спустя, шведамъ все-таки удалось овладѣть Невой и построить здѣсь крѣпость Ландскрону. Новгородцы взяли ее въ 1301 году.

*) Онъ причисленъ нашею Православною церковью къ лику святыхъ.

Чтобы, въ свою очередь, обезопасить себя отъ дальнѣйшихъ покушеній настойчиваго врага, новгородцы вскорѣ затѣмъ выстроили свою собственную крѣпость Орѣшекъ на островѣ Орѣховомъ, при выходѣ Невы изъ Ладожскаго озера.

Будучи по природѣ лихими моряками, новгородцы быстро усвоили себѣ усовершенствованные норманами (мурманами) приемы судостроенія и морского искусства и завели собственный сильный флотъ. На своихъ судахъ они нерѣдко переплывали Финскій заливъ и разоряли берега шведской тогда Финляндіи.

Таковъ былъ „Господинъ Великій Новгородъ“, какъ съ гордостью величали свою область сами новгородцы. Но, несмотря на всѣ свои доблести, одни они ничего не могли подѣлать со шведами и должны были уступить въ неравной борьбѣ. Этому не мало способствовалъ и жестокой разгромъ, которому они подверглись при Царѣ московскомъ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ, за свое нежеланіе ему подчиниться. Не стало Великаго Новгорода, и враги воспѣшили этимъ воспользоваться: шведы усилились въ Финляндіи, нѣмцы въ Ливоніи и, наконецъ, Россія лишилась всего прибалтійскаго края со Псковомъ и Новгородомъ. Прекратилась и обширная заморская торговля, питавшая всѣ внутренніе рынки страны.

Примириться съ этимъ не могли, однако, новгородцы, и удалъ ихъ нашла себѣ исходъ въ дерзкихъ подвигахъ *ушкуйниковъ*, грабившихъ не только шведовъ и норвежцевъ, но и своихъ.

На смѣну имъ явились на югѣ *казаки*. Поселившись въ низовьяхъ Днѣпра и Дона, они вели отчаянную борьбу съ татарами и турками не только на сушѣ, но и на морѣ, куда они выходили на своихъ легкихъ *чайкахъ*.

Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, въ 1637 году, имъ удалось даже овладѣть, при помощи этихъ судовъ, весьма сильной турецкой крѣпостью Азовомъ. Въ немъ они держались цѣлыхъ пять лѣтъ, умоляя Царя взять его подъ свою высокую руку. Михаилъ созвалъ соборъ всякихъ чиновъ людей и, выслушавъ ихъ мнѣнія, отказалъ казакамъ изъ опасенія войны съ Турціей.

Въ другой разъ казаки явились на ста судахъ въ самый Босфоръ и, въ виду Константинополя, грабили его окрестности въ теченіе шести часовъ.

Подобно новгородскимъ ушкуйникамъ, донскіе и запорожскіе казаки не упустили случая пограбить и своихъ. Всѣмъ этимъ представителямъ отчаянной вольницы не по душѣ были суровыя требованія московскаго единодержавія. Больше всего они дорожили своею личною свободой и весь громадный избытокъ силъ своихъ тратили главнымъ образомъ на борьбу съ могущественными врагами тогдашней Россіи. Такимъ образомъ они являлись весьма полезной для государства силой, требовавшей лишь разумнаго и твердаго руководства.

Эту обязанность и взяла на себя Москва, настойчиво собиравшая подъ свою власть разоренныя междуусобіями и татарскимъ ярмомъ удѣльныя княжества. Она обуздавала ушкуйниковъ, казаковъ, бродниковъ, весь этотъ безпокойный и воинственный людъ, и попыталась взять судоходное дѣло въ свои руки. Необходимыя для развитія его средства имѣлись, надобно было лишь заняться ихъ устройствомъ и упорядоченіемъ.

Унаслѣдовавъ отъ своихъ предковъ - славянъ склонность и способность къ мореходству, русскіе люди совершали на своихъ утлыхъ челнокахъ далекія и опасныя плаванія. Ермакъ со своими товарищами пробрался по Волгѣ и Чусовой въ сибирскія рѣки и въ 1582 году

положилъ начало покоренію Сибири. Казакъ Дежневъ проникъ еще дальше на востокъ и въ 1648 году открылъ проливъ, отдѣляющій Азію отъ Америки и называющійся теперь Беринговымъ. Бывали наши мореходы на Сахалинѣ и Курильскихъ островахъ, не боялись заходить и въ Ледовитый океанъ, къ пустыннымъ берегамъ Сибири.

Любовь къ морскимъ промысламъ и торговлѣ, сопряженнымъ въ тѣ времена съ громадными опасностями, искони присуща была русскому народу. Онъ проявлялъ ее при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, и первымъ нашимъ московскимъ самодержцамъ оставалось лишь использовать ее для общаго блага своихъ подданныхъ.

III.

Первыя попытки въ этомъ отношеніи принадлежать Царю Іоанну Васильевичу Грозному. Покореніемъ Казанскаго и Астраханскаго царствъ онъ открылъ свободный доступъ къ Каспійскому морю, а въ 1558 году ему удалось взять у шведовъ Нарву и получить выходъ къ Балтійскому морю. Нѣсколько раньше этого попалъ случайно въ устье Сѣверной Двины англійскій купеческій корабль, и такимъ образомъ возникла у нихъ морская торговля съ Англіей, при чемъ англійскіе купцы проникли даже въ Каспійское море. При ихъ же содѣйствіи удалось построить въ Вологдѣ до 20 судовъ. Благодаря же быстро развившейся торговлѣ, незначительное до того поселеніе въ устьѣ Двины превратилось къ концу царствованія Грознаго въ портовый городъ Архангельскъ. Повидимому, судьба благопріятствовала созданію здѣсь военнаго флота. Этому, однако, препятствовали: неудобства удаленнаго отъ Москвы суроваго моря, происки и козни

чужеземныхъ торговыхъ людей, борьба съ Ливоніей, Польшей и Швеціей и разгромъ Новгорода.

На Черномъ и Азовскомъ моряхъ у насъ еще не могло быть въ то время никакой пристани. Но и туда проникали, при содѣйствіи казаковъ, наши ратные люди. Во время похода противъ крымскихъ татаръ воевода Адашевъ построилъ на Днѣпрѣ суда, спустился на нихъ въ Черное море, разорилъ берега Крыма и даже взялъ два непріятельскія судна.

Царь Борисъ Годуновъ тоже помышлялъ о поднятіи морского значенія Россіи. Онъ хлопоталъ о возвращеніи потерянной еще при Іоаннѣ же Нарвы и Эстляндіи, отнялъ у англичанъ дарованныя имъ этимъ царемъ торговыя преимущества передъ русскими купцами и купилъ въ Любекѣ два корабля для Архангельска. Такого рода распоряженія умнаго и предприимчиваго царя побудили даже польское правительство предложить ему завести на общій счетъ военный флотъ на Балтійскомъ и Черномъ моряхъ. Затѣя эта клонилась, однако, лишь къ созданію польскаго флота на русскія деньги, почему дальновидный Борисъ и отказался отъ нея.

Наступившимъ затѣмъ смутнымъ временемъ междуцарствія и самозванщины наши враги воспользовались для того, чтобы совсѣмъ оттолкнуть Россію отъ Балтійскаго моря. Этимъ они надѣялись лишить ее торговыхъ выгодъ и начинавшагося уже общенія съ образованными и богатыми народами западной Европы. Дѣйствительно, по Столбовскому миру, заключенному царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ со шведами въ 1617 году, мы потеряли всѣ наши древнія владѣнія по берегу Финскаго залива, отъ рѣки Наровы до рѣки Сестры. Даже Нева, за которую пролито было столько русской крови, перешла въ руки враговъ. Теперь Россію отдѣляли отъ моря озера

и болота, и король шведскій Густавъ-Адольфъ надѣялся, что ей не легко будетъ перешагнуть эти преграды.

Въ письмѣ къ своей матери онъ писалъ между прочимъ: „Если ей возвратить Нотебургъ (Орѣшекъ) или Ивангородъ (Нарву), или оба города вмѣстѣ, и если бы Россія подозрѣвала свое собственное могущество, то близость моря, рѣкъ и озеръ, которыхъ она до сихъ поръ не умѣла еще оцѣнить, дало бы ей возможность не только вторгнуться въ Финляндію со всѣхъ сторонъ и во всякое время года, но даже, благодаря огромнымъ ея средствамъ и неизмѣримости ея предѣловъ, покрыть Балтійское море своими кораблями, такъ что Швеція находилась бы въ безпрестанной опасности“.

Король былъ правъ, и пророчеству его суждено было сбыться, но лишь сто лѣтъ спустя. А пока Россіи было не до того. Раздираемая внутренними неурядицами, тѣсняемая внѣшними врагами, съ разореннымъ въ конецъ поселеніемъ и пустой казной, она медленно собиралась съ силами для новой жизни подъ скипетромъ перваго Царя изъ дома Романовыхъ Михаила Ѳеодоровича. Вотъ почему онъ и вынужденъ былъ, скрѣпя сердце, отказаться отъ Азова и оставить казаковъ на произволь судьбы.

Но, какъ только народъ нѣсколько успокоился и оправился, тотъ же Царь начинаетъ покровительствовать предпріятіямъ на пользу торговли и судоходства.

Онъ согласился на предложеніе голштинцевъ построить въ Россіи 10 кораблей для доставки въ ихъ страну изъ Персіи шелка по Каспійскому морю и Волгѣ. Требовалось только, чтобы иностранные мастера не скрывали отъ русскихъ своего корабельнаго искусства.

Однако, вскорѣ обнаружилась несостоятельность голштинцевъ. Они успѣли выстроить въ Нижнемъ-Новго-

родѣ только одинъ корабль „Фридерикъ“, названный такъ въ честь голштинскаго герцога. Плоскостонное судно это, вооруженное нѣсколькими пушками, разбилось въ томъ же 1635 году въ Каспійскомъ морѣ, у береговъ Дагестана (Кавказа).

Сынъ Михаила Ѳеодоровича, Царь Алексѣй Михайловичъ, не оставилъ этого дѣла.

Задумавъ отнять у шведовъ свои старинныя приморскія владѣнія, онъ велѣлъ построить въ дворцовомъ селѣ Дѣдиновѣ на Окѣ большое количество *струговъ* или барокъ. На нихъ самъ Царь съ войскомъ спустился по Западной Двинѣ и осадилъ Ригу. По пути взяты были города Динабургъ и Кокенгаузенъ, но съ Ригой справиться не удалось: рѣчной флотъ нашъ оказался для этого слишкомъ слабымъ. Чтобы взять Ригу, нужно было отрѣзать ее отъ сообщенія со Швеціей, изъ которой на корабляхъ она получала все необходимое. Царь и его воины могли наглядно убѣдиться въ необходимости настоящаго боевого флота. Мысль о немъ уже не покидала московское правительство и наиболѣе выдающихся совѣтниковъ Царя.

По Государеву указу 1667 года, закипѣла въ Дѣдиновѣ судостроительная работа, и черезъ полгода съ небольшимъ были уже спущены на воду корабль, яхта, ботъ и двѣ шлюпки.

Первый русскій корабль „*Орель*“ имѣлъ около 80 футовъ длины, 21 футъ ширины и до 5 фут. осадки. Вооруженіе его состояло изъ 22 пушекъ небольшого размѣра. Но недолго ему пришлось существовать. По прибытіи въ Астрахань въ 1670 году, онъ вскорѣ попалъ въ руки мятежныхъ казаковъ и былъ ими сожженъ. Атаманъ ихъ, Стенька Разинъ, не могъ не почувать въ этомъ кораблѣ зародыша будущей морской силы, грозной не

только для внѣшнихъ, но и для внутреннихъ враговъ государства.

Вспоминая объ этомъ событіи, Царь Петръ Алексѣевичъ такъ высказался о дѣятельности своего отца: „И хотя намѣреніе отеческое не получило конца своего, однакожь, достойно оно есть вѣчнаго прославленія, понеже довольно намъ являетъ, какого духа былъ оной Монархъ, и отъ начинанія того, яко отъ добраго сѣмене произошло нынѣшнее дѣло морское“.

Дѣйствительно, первыя попытки показали *возможность* постройки кораблей въ Россіи. Послѣ этого созданіе военного флота не могло уже казаться дѣломъ несбыточнымъ. Первые опыты поддержали самую мысль объ этомъ, установили преданія, вызвали пригодныхъ людей. Ознакомленіе ихъ съ иностраннымъ искусствомъ и его преимуществами уже само по себѣ послужило на пользу бѣднаго и невѣжественнаго населенія.

Присоединеніе Малороссійскихъ казаковъ и усмиреніе Донскихъ при Алексѣѣ Михайловичѣ дало для будущаго флота прекрасныхъ, испытанныхъ моряковъ. Не менѣе полезными въ этомъ отношеніи дѣятелями оказались и жители Иноземной или „Нѣмецкой“ слободы въ Москвѣ. Многіе изъ нихъ побывали за моремъ и искусились въ мореходной наукѣ.

Итакъ, мысль о необходимости для Россіи военного флота уже достаточно созрѣла; сыскались и средства. Но все же для ея осуществленія понадобился человекъ выдающійся, особаго закала и великой души.

Онъ и явился въ лицѣ Петра.

IV.

Народы, владѣющіе верховьями рѣкъ, неизбѣжно стремятся къ ихъ устьямъ, къ выходу въ море. Такимъ

народомъ, очевидно, былъ и Русскій. Его естественное, но пока еще безсознательное стремленіе къ морю нашло своего вѣрнаго истолкователя и выразителя въ Петрѣ. То, что лишь чутьемъ *угадывалъ* народъ, великій Государь вполне ясно *сознавалъ* своимъ обширнымъ умомъ.

Морскія державы, Англія и Голландія, быстро разбогатѣли, благодаря значительному торгово-промышленному движенію. Франція послѣдовала ихъ примѣру, и ей не пришлось въ этомъ раскаиваться. Невыгодное сравненіе съ ними Россіи невольно приходило на умъ Петру. Онъ задумалъ привить своему бѣдному земледѣльческому населенію торговлю и промышленность, дать ему море и тѣ барыши, которые оно дарило другимъ народамъ. Но для обладанія моремъ необходимъ сильный военный флотъ. Надъ созданіемъ и развитіемъ его трудился, не покладая рукъ, во все свое болѣе чѣмъ тридцатилѣтнее царствованіе Державный морякъ.

Великое дѣло началось съ водяной потѣхи. Пятнадцатилѣтнему царевичу случайно попался на глаза хранившійся въ селѣ Измайловѣ англійскій ботикъ дѣда его Никиты Ивановича Романова. При помощи голландцевъ Тиммермана и Бранта онъ оснастилъ его и спустилъ на рѣку Язу. Отсюда Петръ перебрался на Просяной прудъ и, наконецъ, на Переяславское озеро. Но вскорѣ и тутъ ему показалось тѣсно, и ему захотѣлось, какъ онъ самъ писалъ, „видѣть воду, охотѣ его равную“. Такой водой могло быть только море и именно Бѣлое море, единственно намъ доступное въ то время.

Уже по воцареніи своемъ Государь дважды посѣтилъ Архангельскъ. Прежде всего его поразило то, что здѣсь, въ этомъ единственномъ русскомъ портѣ, вся морская торговля находилась въ рукахъ иностранцевъ. Произведенія русской земли и труды русскихъ людей шли

на обогащеніе чужихъ народовъ. Царь рѣшительно принялся за исправленіе такой вопіющей несообразности. Онъ попытался завести свой торговый флотъ и поощрять всѣми мѣрами русскихъ купцовъ. Одновременно съ этимъ онъ заботился и о созданіи военнаго флота. На островѣ Соломбальскомъ имъ заложена была судостроительная верфь и на ней — первый 24-пушечный корабль.

Петръ стремился вернуть своему народу море, отъ котораго русскіе люди успѣли уже отвыкнуть. Это не понравилось старымъ морскимъ державамъ, ревниво оберегавшимъ свое исключительное право на морское господство. Англійскій министръ Вальполь обратился къ парламенту со слѣдующимъ предостереженіемъ: „Если Россія возьметъ себѣ въ образецъ Данію, учредитъ, ободритъ и поддержитъ торговыя товарищества, то наша и голландская торговля въ состояніи ли будутъ устоять отъ этого пораженія? Если держава, которая не знаетъ, куда и какъ употреблять своихъ людей, примется за умноженіе своихъ морскихъ силъ и купеческихъ кораблей, тогда пропадутъ Голландія и Англія. Возможность, какую имѣетъ Россія къ построенію судовъ, оправдываетъ мое безпокойство“.

А другой министръ Гускидсонъ высказался еще откровеннѣе: „Нужно употребить всѣ зависящія отъ насъ мѣры, чтобы остановить въ Россіи развитіе торговаго флота и купечества“.

Эти враждебныя, завистливыя рѣчи лучше всего доказывали, что Россія избрала вѣрный путь для достиженія подобающаго ей могущества.

Наладивъ это дѣло на сѣверѣ, Государь вернулся въ Москву и сталъ помышлять, какъ бы лучше пробиться къ южному, болѣе удобному для заведенія обширной

торговли, морю. Сначала его тянуло къ Каспійскому морю, на которомъ развитіе сношеній съ богатыми странами востока сулило значительныя выгоды; но затѣмъ онъ обратилъ свои взоры на Черное море. Имъ владѣла могущественная въ то время Турція, съ которой у насъ продолжалась война, начатая еще въ правленіе старшей сестры Петра, Софіи.

Съ Турціей у насъ велись давно уже счеты. Первые сношенія съ нею начались еще при Іоаннѣ III, а при внукѣ его, Грозномъ Царѣ, произошли первыя столкновенія изъ-за царствъ Казанскаго и Астраханскаго, которыя Порты (турецкое правительство) хотѣла возстановить. Затѣмъ пошли безконечныя стычки между порубежными казаками и азовцами. Наконецъ, Россія вынуждена была заключить союзъ съ Польшей и отправить свои войска въ Крымъ, входившій въ составъ Турецкой имперіи. Походъ этотъ, вслѣдствіе недостатка въ водѣ и продовольствіи, оказался бесполезнымъ. Нужно было избрать другое, болѣе выгодное направленіе. Петръ рѣшилъ взять Азовъ — ключъ къ выходу въ Азовское море.

Въ 1695 году онъ осадилъ эту крѣпость, но взять ему ее не удалось, такъ какъ она продолжала получать продовольствіе, боевые припасы и все необходимое изъ Турціи моремъ, на корабляхъ. Донскимъ казакамъ въ былое время отъ того только и посчастливилось захватить Азовъ, что они съ помощью своихъ судовъ отрѣзали его отъ моря. Напротивъ того, Алексѣю Михайловичу Рига не сдалась потому, что онъ не располагалъ достаточнымъ флотомъ для совершеннаго отчужденія ея отъ Швеціи.

Петръ вспомнилъ эти поучительные уроки прошлаго и поспѣшилъ исправить свою ошибку. Онъ снялъ осаду и приступилъ къ постройкѣ флота.

По образцу выписанной изъ Голландіи 32-весельной *галеры*, выстроили 22 такихъ гребныхъ судна въ подмосковномъ селѣ Преображенскомъ и перевезли въ разобранномъ видѣ въ Воронежъ. Здѣсь основаны были верфь и адмиралтейство для постройки и снаряженія остальныхъ судовъ. Не малое содѣйствіе этому дѣлу оказывалъ тогдашній епископъ воронежскій святитель Митрофанъ, проведеній послѣднія семь лѣтъ своей жизни въ близкомъ общеніи съ великимъ преобразователемъ Россіи. Управляя бѣднѣйшей въ то время епархіей, благочестивый старецъ находилъ, однако, возможнымъ удѣлять изъ своихъ скромныхъ сбереженій значительныя суммы на судостроеніе и на содержаніе „ратныхъ людей морского ополченія“. Государь очень высоко цѣнилъ своего знаменитаго сотрудника и пожаловалъ ему добавочный титулъ епископа *Азовскаго*. За свою праведную жизнь онъ пользовался всеобщою народною любовью, а по кончинѣ своей былъ причисленъ къ лику святыхъ земли русской. Мощи его и теперь покоятся въ Воронежѣ.

Весною 1696 года изготовлено было всего до 1800 разнаго рода судовъ. Они выходили изъ Воронежа по частямъ и спускались внизъ по Дону. Русскій флотъ вступилъ въ Азовское море 27 Мая и послѣ нѣсколькихъ удачныхъ сраженій съ турецкими судами окончательно преградилъ имъ доступъ къ городу.

Не прошло 2-хъ мѣсяцевъ, какъ сдѣлся Азовъ (18 Юля).

Необходимость флота доказана была самымъ нагляднымъ образомъ; она стала очевидною. Опираясь на опытъ азовскаго похода, Петръ уже съ полнымъ убѣжденіемъ могъ сказать окружающимъ его иностранцамъ, доказывавшимъ необходимость сначала завести гавани, а затѣмъ уже флотъ, что „флотъ самъ себѣ отыщетъ

гавань“. Это было первое удачное дѣло флота, созданнаго Московскимъ государствомъ. Мысль о постоянномъ военномъ флотѣ напрашивалась сама собой.

Созванная въ Преображенскомъ боярская дума 4 Ноября 1696 года постановила: „Морскимъ судамъ быть“.

Петръ не любилъ тратить напрасно ни одного дня, и къ постройкѣ судовъ приступлено было немедленно. По примѣру донскихъ товариществъ, строившихъ казачьи чайки, образованы были *кумпанства* (компаніи), не менѣе 100 дворовъ въ каждомъ. Не вошедшіе сюда отдѣльные дворы платили по полтинѣ. Купечество обязали постройкой 12 кораблей. Уклонявшихся штрафовали натурою, т. - е. опять - таки лишними кораблями. И это понятно: сейчасъ государство нуждалось въ судахъ, а не въ деньгахъ, на которыя купить флота нельзя было. А флотъ былъ необходимъ не только для удержанія азовскаго побережья съ Азовомъ и Таганрогомъ, но и для возвращенія намъ Балтійскаго моря.

Слѣшная постройка судовъ не замедлила, конечно, обнаружить недостатокъ нужныхъ для этого знаній, недостатокъ свѣдущихъ и опытныхъ людей. Самъ Царь чувствовалъ свою неподготовленность въ этомъ отношеніи. Не долго думая, онъ отправился за границу, въ Англію и Голландію, гдѣ, въ качествѣ простого плотника, изучилъ на практикѣ кораблестроительное искусство. Въ числѣ спутниковъ Царя было много молодыхъ людей, изъ которыхъ вышли впоследствии прекрасные морскіе офицеры. Кромѣ того, Государь пригласилъ къ себѣ на службу нѣсколькихъ иностранныхъ моряковъ и привезъ съ собой значительное количество необходимыхъ матеріаловъ.

По возвращеніи Государя изъ заморскихъ краевъ наше судостроеніе пошло значительно успѣшнѣе. Подъ

руководствомъ Державнаго мастера исправлялись прежнія ошибки и совершенствовалась постройка судовъ.

Между тѣмъ Азовскій флотъ ежегодно изготовлялся къ плаванію и по возможности держался въ морѣ. Постоянная готовность его поддержать силой требованія Россіи и ея достоинство имѣло несомнѣнное значеніе въ борьбѣ съ Турціей. При содѣйствіи этой скромной морской силы Петру удалось заключить съ Портой выгодный миръ, нарушенный, однако, спустя десять лѣтъ, турками. Ихъ подбилъ на это воевавшій уже тогда съ нами шведскій король Карлъ XII.

Новая война была непродолжительна и завершилась въ томъ же 1711 году весьма тяжелымъ для насъ Прутскимъ мирнымъ договоромъ. Россія вынуждена была возвратить туркамъ Азовъ съ прилегающими къ нему землями и лишиться созданнаго съ такимъ трудомъ Азовскаго флота. Часть его судовъ убрали въ Черкасскъ на Дону, другую сожгли и, наконецъ, нѣсколько судовъ снарядили для отправленія кругомъ Европы въ Балтійское море. Турки, однако, ихъ не пропустили черезъ свои проливы, и пришлось продать эти суда имъ же. Враждебность и недовѣріе Порты къ намъ усердно поддерживались иностранными послами въ Константинополь, особенно англійскимъ, цесарскимъ (австрійскимъ) и венеціанскимъ. Русскій посоль Украинцевъ доносилъ Царю, что они „завидуютъ, ненавидятъ то, что у тебя завелось корабельное строеніе и плаваніе подъ Азовъ и у Архангельска; думаютъ, что отъ этого будетъ имъ въ морской торговлѣ помѣшка“.

Азовскій флотъ пересталъ существовать, но кратковременная дѣятельность его не прошла безслѣдно. Онъ сокрушилъ Азовъ, отыскалъ и устроилъ себѣ убѣжище въ Таганрогѣ. Онъ съ успѣхомъ отражалъ нападенія на

наши берега турецкихъ кораблей и находившихся на нихъ войскъ (десантовъ) и послужилъ хорошей школой для подготовки нашихъ юныхъ моряковъ. Они весьма пригодились намъ въ великой Сѣверной войнѣ со Швеціей изъ-за обладанія Балтійскимъ моремъ.

V.

По завоеваніи невской области у шведовъ Царь Алексѣй Михайловичъ прибавилъ къ своему титулу слова: „и земель западныхъ и сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ“.

Эта незначительная, повидимому, прибавка не на шутку встревожила шведовъ. Земли *отчичъ и дѣдичъ* вѣдь это были *Ингрія* и *Корелія*, старинныя прибалтійскія владѣнія древней Руси, на возвращеніе которыхъ подъ свой скипетръ Царь, очевидно, не терялъ надежды. Осуществить ее удалось, однако, лишь Петру. Вспоминая объ этомъ, онъ писалъ: „Но чего ради тогда тому не исполниться и на насъ сіе бремя воля Всевышняго Правителя возложить изволила, то оставляемъ непостижимымъ судьбамъ Его“.

Петръ вступилъ въ союзъ съ Польшей и Даніей, но могъ начать военныя дѣйствія противъ шведовъ только отъ 1700 года, по заключеніи перваго мира съ Турціей.

Прежде всего онъ задумалъ взять Нарву, какъ извѣстную уже ему „морскую пристань“ и ключъ къ овладѣнію Ингрією. Но это ему не удалось. Шведы успѣли на выручку своему гарнизону и разбили русскія войска.

Первая неудача эта не испугала Царя, но онъ рѣшилъ пока отказаться отъ Нарвы и перенести военныя дѣйствія на Неву, гдѣ имѣлась болѣе удобная Охтенская корабельная пристань. Нева защищалась двумя сильными

крѣпостями: Нотебургомъ (бывшій Орѣшекъ) и Ніеншанцемъ. Овладѣть ими было не легко, особенно первою, расположенною на Ладожскомъ озерѣ, подъ защитою флота изъ 8 судовъ съ 60. пушками и 600 человекъ команды.

Петръ рѣшилъ прибѣгнуть къ военной хитрости или, какъ онъ выражался, „нѣкоему ухищренію“. Весною 1702 года, для отраженія будто бы вторичнаго нападенія шведскаго флота на Архангельскъ (первое произошло въ 1701 году и было отбито), Государь отправился туда съ войскомъ. Изъ Архангельска же онъ неожиданно повернулъ на Повѣнецъ и черезъ Онежское озеро и рѣку Свирь прибылъ въ Ладогу. Съ отрядомъ пришло и 2 судна, которыя пришлось тащить сухимъ путемъ на протяженіи 160 верстъ. Остальныя суда и лодки были доставлены на мѣстѣ, и при ихъ командѣ удалось отрѣзать Нотебургъ отъ сообщенія съ моремъ по Невѣ. Это было тѣмъ легче сдѣлать, что еще раньше русскія суда очистили Ладожское озеро отъ шведскаго флота и овладѣли обоими берегами Невы.

11 Октября 1702 года, послѣ кровопролитнаго приступа, крѣпость сдалась Петру и переименована была имъ въ *Шлюссельбургъ*, т.-е. Ключъ-городъ. Ключъ отъ выхода въ Неву и дальше въ море былъ теперь въ нашихъ рукахъ. Не дешево онъ, однако, достался. Царь выразился объ этомъ такъ: „Правда, что зѣло жестокъ сей *орѣхъ* былъ; однакожъ, слава Богу, счастливо разгрызень“.

Взятіе Нотебурга, какъ это обыкновенно бываетъ, повлекло за собой паденіе и другихъ ближайшихъ крѣпостей: Ніеншанца на Невѣ, Яма и Копорья на финскомъ побережьи. Эти первые успѣхи сильно радовали Царя. Часть земель „отчичъ и дѣдичъ“ была уже отторгнута

у непріятеля. „Итакъ, при помощи Божіей *Ингрія въ рукахъ*, дай же Боже доброе окончаніе“, писалъ Петръ.

Въ это же время Царю удалось лично одержать морскую побѣду въ устьѣ Невы. Не зная еще о занятіи русскими Ніеншанца и береговъ Невы, шведскій генераль (изгнанный нашими моряками изъ Ладожскаго озера) подошелъ съ моря съ отрядомъ судовъ и сталъ на якорь вблизи нынѣшняго Екатерингофа *).

Стоявшія отдѣльно суда „Гедонъ“ (10-пушечный) и „Астрильдъ“ (8-пушечный) были атакованы восемью нашими лодками, не имѣвшими ни одной пушки. На лодкахъ находились преображенскіе и семеновскіе солдаты съ одними ружьями, подъ командой числившагося тогда бомбардирскимъ капитаномъ Петра и его близкаго сотрудника и друга поручика Меншикова, „понеже иныхъ на морѣ знающихъ никого не было“. Таково объясненіе самого Царя. Непрiятельскія суда были взяты и долгое время служили въ русскомъ флотѣ. Для упроченія своего положенія на берегахъ Невы Царь 16 Мая того же 1703 года заложилъ на Заячемъ островѣ Петропавловскую крѣпость и городъ *Санктъ - Петербургъ*. Подступъ къ нему съ моря преграждало небольшое укрѣпленіе *Кроншлотъ*.

Шведы долгое время не могли помириться съ такими крупными успѣхами русскаго оружія и два года подъ рядъ тщетно силились отнять у насъ невскія владѣнія.

Между тѣмъ нашимъ войскамъ удалось овладѣть Нарвой (1704 г.) и Выборгомъ (1710 г.). Эти сильныя приморскія крѣпости обезпечивали свободу дѣйствій въ восточной части финскаго залива и были взяты при участіи флота.

*) Садъ въ г. Петербургѣ.

Осаждавшія Нарву войска получали все для нихъ необходимое на транспортныхъ судахъ, пробиравшихся изъ финскаго залива по рѣкѣ Лугѣ и притоку ея Росонѣ въ рѣку Нарову. На пути сюда транспорты подвергались иногда нападеніямъ шведскаго флота, но при помощи сопровождавшихъ ихъ военныхъ судовъ благополучно отбивались.

Съ Выборгомъ повторилось то же самое, что и съ Азовомъ. Попытка взять эту сильную шведскую крѣпость въ 1706 году не удалась только потому, что ее защищалъ и поддерживалъ съ моря непріятельскій флотъ, а у насъ его тогда почти еще не было. Благодаря этому, снабженіе нашей арміи морскимъ путемъ оказалось невозможнымъ, а дурныя дороги и недостатокъ лошадей дѣлали сухопутную доставку крайне затруднительной. Пришлось снять осаду.

Въ 1710 году надумали другое. Рѣшено было ранней весной отправить по льду войска *на-легкѣ*, а все для нихъ необходимое доставить на судахъ *до прибытія къ Выборгу шведскаго флота*. Такъ и сдѣлали. Адмиралъ Апраксинъ съ войскомъ прибылъ къ Выборгу 21 Марта, а флотъ нашъ, со страшными усиліями пробившись сквозь ледъ, 9 Мая появился подъ стѣнами Выборга и выручилъ уже сильно страдавшую отъ голода армію. Шведы, ожидавшіе съ часу на часъ прибытія своего флота, были сильно изумлены и поражены. Наши суда успѣли сдать свои грузы и 14 Мая ушли обратно, а непріятельскій флотъ показался лишь два дня спустя. Выборгъ сдался.

Онъ имѣлъ громадное значеніе для шведовъ, а теперь сталъ хорошимъ оплотомъ для нашихъ новыхъ владѣній и новой столицы, какъ съ моря, такъ и съ сухого пути. „Приобрѣтена крѣпкая подушка Петербургу“, писалъ обрадованный Царь.

Въ сентябрѣ того же года взята была еще одна финляндская крѣпость Кексгольмъ или *Корело*. Такимъ образомъ и для возвращенія другой земли, „отчичь и дѣдичь“—Корелин, положено было прочное основаніе.

Еще болѣе усилилось положеніе Россіи на финскомъ заливѣ съ покореніемъ Риги, Пернова, Аренсбурга и Ревеля. Не мало содѣйствовала этимъ успѣхамъ рѣшительная побѣда надъ главными силами шведовъ подъ Полтавой (27 Іюня 1709 года), но удержаніе береговъ могло быть достигнуто лишь при участіи флота, и притомъ своего. Надежды на морскія силы союзной Даніи не оправдались.

Слабый еще для борьбы въ открытомъ морѣ, русскій флотъ уже въ первые годы своего существованія оказывалъ не мало всякихъ услугъ государству. Построенные въ Архангельскѣ корабли смѣло пускались въ далекое и опасное для нихъ плаваніе кругомъ Норвегіи и Швеціи въ Балтійское море. Иногда имъ удавалось при этомъ захватывать купеческія и даже вооруженныя суда непріятели. Шведскій флотъ не имѣлъ достаточно силъ, чтобы надежно *заблокировать*, т.-е. запереть, наши гавани и прекратить такимъ образомъ морскую торговлю. Она почти безпрепятственно продолжалась во все время войны, и мы не только получали черезъ Ригу и Ревель разные иностранные товары, но и заказанные за границей корабли для нашего флота. Проводка ихъ къ нашимъ портамъ на глазахъ у шведскихъ крейсеровъ *) представлялась дѣломъ весьма опаснымъ и рискованнымъ. Все это свидѣтельствуеть, что новорожденный и слабосильный русскій

*) Такъ называются военныя суда, предназначенныя для развѣдокъ и уничтоженія непріятельской торговли.

флотъ, несмотря на господство на Балтійскомъ морѣ непріятели, сумѣлъ добиться для себя извѣстной свободы дѣйствій.

VI.

Петръ не любилъ полумѣръ. Онъ не могъ ограничиться возвращеніемъ нашихъ древнихъ областей. Ему нужно было прежде всего море, а для обладанія имъ требовался сильный флотъ. Вотъ почему Государь не спѣшилъ съ заключеніемъ мира послѣ первыхъ успѣховъ, какъ это совѣтовали ему нѣкоторые недалководные приближенные. „Умноженіе флота“, отвѣчалъ имъ Петръ, „имѣетъ единственную цѣлью обезпеченіе торговли и пристаней; пристани эти останутся за Россіей, во-первыхъ, потому, что онѣ сначала ей принадлежали; во-вторыхъ, потому, что *пристани необходимы для государства, ибо черезъ сихъ артерій можетъ здравье и прибыльнѣе сердце государственное быть*“.

Но, чтобы добиться въ этомъ отношеніи рѣшительныхъ успѣховъ, нужно было и дѣйствовать рѣшительно. Для перехода въ наступленіе на непріятельскіе берега предстояло прежде всего овладѣть Финляндіей. Это потребовало громаднаго напряженія нашихъ силъ въ продолженіе трехъ лѣтъ. Петръ выказалъ себя здѣсь не только великимъ государемъ, но и выдающимся военнымъ вождемъ. Онъ не послалъ своихъ войскъ въ глубь Финляндіи, гдѣ они могли сильно пострадать отъ голода и враждебности населенія, а повелъ ихъ вдоль берега Финскаго залива. Рядомъ съ ними шелъ галерный, т.-е. гребной, флотъ, прикрываемый съ моря корабельнымъ флотомъ. Такое придуманное самимъ Царемъ совмѣстное употребленіе сухопутныхъ и морскихъ силъ вполне отвѣчало обстоятельствамъ, а потому и оказалось весьма выгоднымъ.

Особенное значеніе имѣлъ въ эту войну галерный флотъ. Благодаря своей подвижности, небольшой осадкѣ и значительному количеству поднимаемыхъ войскъ, онъ представлялъ главную силу. Естественно, что ему же пришлось нанести непріятелю наиболѣе рѣшительные удары.

По многимъ причинамъ эти вооруженныя силы трехъ родовъ (армія, галерный флотъ и корабельный флотъ) подвигались впередъ крайне медленно, нерѣдко теряя взаимную связь и поддержку. Сухопутная армія, обезпечивъ свое правое крыло побѣдами близъ Пелкина и Лапопы, двигалась на Або. Корабельный флотъ, проводивъ гребныя суда до входа въ Финляндскія *шхеры*, гдѣ они были защищены отъ нападенія съ моря, удаллся къ Ревелю. Здѣсь его ожидали купленныя за границей суда. Галерный же флотъ, дойдя благополучно шхерами до Гангута, долженъ былъ здѣсь остановиться. Сильный шведскій флотъ, расположившійся у оконечности этого выдающагося мыса, преграждалъ дальнѣйшій путь нашимъ судамъ. Нужно было во что бы то ни стало прорваться къ Або и возстановить связь съ голодавшей уже тамъ арміей. Командовавшій всѣми нашими силами въ Финляндіи Апраксинъ обратился къ Царю за указаніями. Петръ не замедлилъ явиться самъ.

По примѣру древне-русскихъ славянъ, онъ прежде всего рѣшилъ перетащить свои галеры *волокомъ* черезъ Гангутскую косу, болѣе тысячи сажень шириной. Но шведскій адмиралъ провѣдалъ объ этомъ и отправилъ къ мѣсту, избранному для спуска въ воду русскихъ галеръ, нѣсколько своихъ мелкихъ судовъ. Въ то же время онъ отдѣлилъ часть своей *эскадры* (отряда) въ обходъ нашему флоту. Воспользовавшись такимъ раздробленіемъ непріятельскихъ силъ, 35 легкихъ галеръ проскочили между

ними. Думая исправить свою ошибку, шведы на другой день снова соединились, но при этом удалились настолько от касы, что остальные русскія галеры получили возможность прорваться под самым берегомъ. Вѣтра не было, а потому большіе парусные корабли непріятеля не могли подойти къ быстро удалявшимся на веслахъ галерамъ. Обогнувъ косу, онѣ атаквали сторожевой шведскій отрядъ, охранявшій наиболѣе удобную ея часть для перетаскиванія галеръ, и послѣ кровопролитнаго боя истребили его.

Гангутское сраженіе 27 Іюля 1714 года было первой *морской побѣдой* Россіи. Съ этого памятнаго дня она вступила въ число *морскихъ державъ*. Вотъ почему нашъ флотъ до настоящаго времени благоговѣнно чититъ это знаменательное событіе и торжественно справляетъ его годовщину.

„Объявляемъ вамъ“, писалъ Царь Меншикову на второй день послѣ боя, „какимъ образомъ Всемогущій Господь Богъ Россію прославить изволилъ, ибо, по много дарованнымъ побѣдамъ на землѣ, нынѣ и на морѣ вѣнчати благоволилъ“.

Галерный флотъ очистилъ себѣ путь въ Ботнической заливъ, и дѣло „отлученія“ Финляндіи отъ Швеціи замѣтно облегчилось. Но до конца еще было далеко. Начавшіеся въ 1718 году переговоры о мирѣ не привели ни къ чему вслѣдствіе нежеланія шведовъ поступиться завоеванными у нихъ землями. Петръ употребилъ „сильное дѣйство“, т.-е. отправилъ войска на галерахъ къ берегамъ Швеціи и разорилъ ихъ. Нашъ флотъ одержалъ побѣду у острова Эзеля надъ непріятельской эскадрой. Но всѣ эти второстепенные успѣхи не могли склонить непріятеля къ земельнымъ уступкамъ. Шведы надѣялись на поддержку Англии. Къ тому же союзники оставили Россію: Поль-

скій король хлопоталъ о своихъ личныхъ дѣлахъ, а Датскій поспѣшилъ заключить со Швеціей отдѣльный миръ. Петру пришлось разсчитывать лишь на свои собственныя силы.

Въ 1720 году англійскій флотъ появился въ Балтійскомъ морѣ и, соединившись со шведскимъ, въ числѣ 35 кораблей угрожалъ сначала Ревелю, а затѣмъ и войскамъ, дѣйствовавшимъ у шведскихъ береговъ. Несмотря на это, командовавшій нашими войсками князь Голицынъ успѣлъ при содѣйствіи галернаго флота высадить на шведскій берегъ 6 тысячъ человѣкъ. Они проникли на 30 верстъ въ глубь страны и сожгли два города, 41 деревню и до тысячи жилыхъ дворовъ. Флотъ же нашъ одержалъ у острова Гренгама новую побѣду, которою особенно гордился Петръ.

„Правда“, писалъ Государь Меншикову, „не малая викторія (побѣда) можетъ причесться, *а наипаче, что при очахъ англійскихъ*, которые равно шведовъ обороняли, какъ ихъ земли, такъ и флотъ“.

На слѣдующій годъ англійскій флотъ повторилъ свою угрозу и помѣшалъ рѣшительному нападению съ большими силами на шведскую столицу—Стокгольмъ.

Переговоры о мирѣ возобновились и 30 Августа 1721 года завершились весьма выгоднымъ для Россіи Ништадтскимъ миромъ. Швеція уступила намъ Лифляндію, Эстляндію, Ингрію, часть Кореліи и часть Финляндіи. Россія твердою ногою стала на берегахъ Балтійскаго моря и вошла въ прямое общеніе съ образованными и богатыми народами западной Европы.

Заслуги флота въ великой Сѣверной войнѣ были очевидны. Воздавая ему должное, Государь цѣлымъ рядомъ торжествъ чествовалъ свой старый ботикъ, въ качествѣ родоначальника или „Дѣдушки русскаго флота“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Державный морякъ согласился „въ знакъ понесенныхъ своихъ трудовъ въ сію войну“ принять званіе адмирала, „ибо въ сію войну довольно чиномъ вице-адмирала служилъ“.

Но и по окончаніи войны Петръ не переставалъ заботиться о надежномъ обезпеченіи съ такимъ трудомъ возвращенныхъ владѣній. Особеннымъ вниманіемъ пользовалась въ этомъ отношеніи новая столица. Для защиты ея отъ самыхъ опасныхъ непріятельскихъ покушеній, съ моря, Царь заложилъ въ 1723 году на островѣ Котлинѣ сильную крѣпость *Кронштадтъ*. Планъ для нея онъ составилъ самъ.

Развязавшись со шведами, Россія получила возможность возстановить древній свой торговый путь въ Азію по Волгѣ и Каспійскому морю. Суда для этого похода готовились еще въ самый разгаръ войны. Нужно было спѣшить, такъ какъ враждебная намъ Турція могла насъ здѣсь предупредить и захватить часть каспійскаго побережья, особенно со стороны Кавказа.

Лѣтомъ 1722 года въ Астрахани собралось 200 лодокъ, 45 грузовыхъ судовъ и 22 тысячи человѣкъ войска. Флотомъ командовалъ *генераль-адмиралъ* графъ Апраксинъ. Всѣмъ же походомъ руководилъ самъ Императоръ. Черезъ годъ города Дербентъ и Баку съ нѣсколькими округами были присоединены къ Россіи, и Персіи пришлось признать наши права на Каспійскомъ морѣ.

VII.

Флотъ сдѣлалъ свое дѣло. Онъ помогъ Россіи пробиться къ сосѣднимъ морямъ. Не владѣя этими морями, Россія обречена была на бѣдность и застой. Изъ древнихъ однопородовъ, струговъ, казачьихъ чаекъ и „потѣш-

ных“ судовъ выросла серіозная морская сила въ 48 линейныхъ кораблей и другихъ болѣе мелкихъ судовъ. За все время царствованія Петра Великаго выстроено было въ двадцати-пяти разныхъ мѣстахъ около тысячи судовъ. Во флотѣ насчитывалось до 28 тысячъ человѣкъ. Первое время среди нихъ было не мало чужеземцевъ. Но Петръ смотрѣлъ на нихъ лишь какъ на временныхъ учителей и, какъ скоро русскіе люди достаточно освоились съ новымъ дѣломъ, не замедлилъ предоставить имъ подобающее мѣсто во флотѣ. Да и сами учителя-иностранцы не могли не воздать должнаго способности своихъ учениковъ къ морскому дѣлу.

Но для достиженія такихъ крупныхъ успѣховъ и приемы у Петра были совсѣмъ другіе, чѣмъ у его предшественниковъ. Тѣ думали все сдѣлать по старинѣ, не покидая Кремля, путемъ указовъ и порученій. Петръ дѣйствуетъ главнымъ образомъ личнымъ починомъ и показомъ. Онъ первый изъ русскихъ царей рѣшился предпринять путешествіе не только по Россіи, но и за границу. Онъ покидаетъ царскій тронъ и, въ качествѣ простаго корабельнаго плотника, съ топоромъ въ рукѣ спускается на голландскую верфь. Здѣсь онъ доподлинно изучаетъ судостроительное искусство, и отъ его зоркихъ глазъ уже не можетъ ускользнуть ни малѣйшій недостатокъ въ скороспѣлыхъ судахъ отечественнаго издѣлія.

Быстрому росту флота, силы по преимуществу наступательной, много содѣйствовалъ и наступательный характеръ петровскихъ войнъ. Но больше всего флотъ нашъ обязанъ своимъ процвѣтаніемъ личному вниманію къ нему Самодержавнаго моряка. Оно основывалось, какъ и все у этого великаго Государя, не на какой-нибудь мимолетной прихоти, а на непоколебимомъ убѣжденіи въ настоятельной необходимости морской силы для Россіи.

Онъ говорилъ: „*Всякое государство, которое едино войско сухопутное имѣтъ—одну руку имѣтъ; которое и флотъ имѣтъ—обѣ руки имѣтъ*“.

Для пробужденія въ своихъ отвыкшихъ уже отъ моря подданныхъ старо-славянской предприимчивости и любви къ морскому дѣлу, Петръ не пренебрегалъ никакими мѣрами. Онъ запрещалъ строить мосты черезъ Неву и безвозмездно раздавалъ жителямъ новой столицы такъ называемыя *потомственные* суда. Изъ нихъ составился особый *Невскій флотъ*, который, по сигналу своего *Невскаго адмирала*, весьма часто собирался на ученія и сопровождалъ иногда царскую семью въ Петергофъ или Кронштадтъ. „Кто хочетъ жить со мною, тотъ долженъ бывать часто на морѣ“, говорилъ Царь. Болѣе 200 молодыхъ людей было отправлено для изученія морского дѣла за границу, и многіе изъ нихъ прославили впослѣдствіи русскій флотъ. Кромѣ того, въ обѣихъ столицахъ основаны были морскія школы.

Лучше всего свидѣтельствуетъ о неподдѣльной любви Государя къ своему флоту заведенный имъ застольный обычай. Въ числѣ ближайшихъ сотрудниковъ Царя по морской части былъ Иванъ Михайловичъ Головинъ. Ежедневно за обѣдомъ Петръ предлагалъ тостъ за здоровье „семейства Ивана Михайловича“, т.-е. за флотъ. Онъ даже обѣщалъ уплатить своему шуту Ла-Костѣ 100 тысячъ рублей штрафа, если когда-нибудь забудетъ провозгласить этотъ тостъ.

Бѣдному шуту такъ и не пришлось получить этихъ денегъ....

VIII.

При ближайшихъ преемникахъ Петра Великаго флотъ пришелъ въ упадокъ.

— Все погибло для флота! воскликнулъ капитанъ 1-го ранга Мухановъ, неся за гробомъ Вѣнценоснаго моряка императорскій штандартъ.

И, къ сожалѣнію, пророчество его оправдалось.

Петръ все дѣлалъ самъ и не думалъ о замѣстителѣ. Смерть его застала Россію врасплохъ. Повернуть все дѣло обратно было уже невозможно, но попытки къ этому дѣлались неоднократно. Иностранцы, бывшіе при Петрѣ простыми исполнителями, стали теперь поднимать голову и даже покушаться на захватъ верховной власти. Особенно одолѣвали насъ нѣмцы. Преслѣдуя интересы нѣмецкой земли и свои личныя выгоды, они ухитрились заставлять русскихъ людей смотрѣть на все ихъ нѣмецкими глазами.

Морская торговля упала, а возвращеніе ея на прежній путь черезъ Архангельскъ подрѣзало въ корнѣ начинавшійся расцвѣтъ Петербурга, болѣе удобнаго во всѣхъ отношеніяхъ сравнительно съ Архангельскимъ портомъ. Все чаще стали выражаться сомнѣнія въ необходимости для Россіи флота. То, что было при Петрѣ одной изъ рукъ государства, стало теперь никому ненужной игрушкой, съ которой даже не умѣли обращаться. Вопреки его завѣтамъ, флотъ не содержался въ постоянной боевой готовности, какъ это необходимо для сохраненія его силы, а состоялъ на мирномъ положеніи, какъ бы въ резервѣ, и только въ случаѣ надобности вооружался и выходилъ въ море. На предложеніе родственника своего, моряка Лопухина, идти въ плаваніе, внукъ великаго Петра, Петръ II отвѣчалъ: „Когда нужда потребуетъ употребить корабли, то и я пойду въ море, но я не намѣренъ гулять по морю, какъ мой дѣдушка“. Онъ покинулъ ненавистный ему Петербургъ и со всѣмъ дворомъ переселился въ Москву. На улицахъ Бѣлокаменной появились даже цар-

скіе указы, сулившіе безпощадное наказаніе кнутомъ всякому, кто осмѣлится говорить о возвращеніи въ новую столицу.

Смерть перваго нашего генераль-адмирала графа Ф. М. Апраксина и нѣкоторыхъ другихъ морскихъ сотрудниковъ Петра Великаго еще больше способствовала забвенію флота и его заслугъ. Войны съ Франціей и Турціей велись почти исключительно на сухомъ пути и окончились для насъ весьма неудачно. Командовавшій нашей арміей въ Турецкую кампанію 1737 года фельдмаршалъ Минихъ тщетно доносилъ правительству, что успѣхъ будетъ на той сторонѣ, которая „на морѣ сильнѣе быть можетъ“.

Нѣсколько лучше пошли дѣла съ воцареніемъ дочери Петра, Елизаветы Петровны. При ней русскіе люди снова вздохнули свободно. Къ флоту стали относиться внимательнѣе. Учрежденъ былъ въ 1752 году въ Петербургѣ Морской корпусъ. Были даже попытки воскресить петровский духъ. Но дѣло было уже слишкомъ запущено, да и обстоятельства не особенно благопріятствовали.

Борьба со Швеціей, а затѣмъ и съ Пруссіей (такъ называемая Семилѣтняя война) лучше всего обнаружила слабость и несостоятельность нашего флота. Это и было справедливое возмездіе за пренебреженіе къ нему въ продолженіе почти сорока лѣтъ.

IX.

Съ первыхъ же дней царствованія Императрицы Екатерины II для флота настали лучшія времена.

Она внимательно изучала всѣ петровскія дѣла и начинанія и обладала замѣчательнымъ умѣніемъ согласовать ихъ съ духомъ своего времени. Подобно своему

великому предшественнику, она ясно сознавала необходимость пробиться къ Черному морю и укрѣпиться на Балтійскомъ. А для этого прежде всего нуженъ былъ флотъ. Не игрушечный, не „блезирный“, какимъ онъ еще такъ недавно былъ, по собственному признанію морского начальства, а достаточно сильный для осуществленія обширныхъ замысловъ молодой Императрицы.

Запущенный и униженный флотъ нуждался больше всего въ ласкѣ и вниманіи къ нему. Екатерина со свойственною ей чуткостью поняла это и поспѣшила откликнуться. Объ этомъ свидѣлствуютъ всѣ ея распоряженія, даже на первыхъ порахъ ея многотруднаго правленія. „Что флотская служба знатна и хороша“, говорилось въ одномъ изъ указовъ, „то всѣмъ извѣстно, но насупротивъ того столь же трудна и опасна, почему болѣе Монаршую нашу милость и попеченіе заслуживаетъ“.

Руководясь такимъ взглядомъ, Государыня старалась всѣми мѣрами поднять значеніе флота и улучшить положеніе моряковъ. Главнымъ начальникомъ его, т.-е. генераль-адмираломъ, она сдѣлала своего единственнаго сына Павла Петровича. Она лично знакомилась съ флотомъ, присутствуя на морскихъ маневрахъ, посѣщая порты и путешествуя на военныхъ галерахъ по Волгѣ и Днѣпру. Когда же вспыхнула война съ Турціей, Екатерина не задумалась отправить свой, еще не успѣвшій окрѣпнуть, флотъ въ тяжелое дальнее плаваніе къ непріятельскимъ берегамъ. Этотъ первый заграничный походъ русскихъ кораблей сослужилъ намъ не малую службу.

Война началась въ 1768 году изъ-за пограничнаго столкновенія нашихъ казаковъ съ поляками и защищавшими ихъ турками. Но это была самая обыкновенная въ тѣ времена случайность, и она явилась лишь поводомъ къ многолѣтней борьбѣ за кровные интересы обоихъ го-

сударствъ. Находившаяся подъ покровительствомъ Турціи Крымская орда при всякой возможности грабила наши пограничныя владѣнія и преграждала намъ доступъ къ Черному морю. Послѣ набѣговъ татарскіе хищники быстро скрывались въ свои неприступныя гнѣзда, отдѣленныя отъ Россіи громадными безводными степями. При такихъ условіяхъ борьба съ этими передовыми силами мусульманскаго міра представлялась дѣломъ весьма труднымъ. Екатерина попробовала подойти къ нимъ съ тылу, со стороны моря, и прежде всего отрѣзать ихъ отъ Турціи. И то, что не удалось Петру подъ Азовомъ, ей удалось вполне въ эту первую же войну, главнымъ образомъ благодаря содѣйствію флота.

Спѣшно построенная на Дону флотилія не только овладѣла Азовскимъ моремъ, но и предприняла цѣлый рядъ весьма смѣлыхъ поисковъ въ Черное море. Здѣсь, у крымскихъ и кавказскихъ береговъ, подъ начальствомъ вице-адмирала А. Сенявина и капитана 2 ранга Кинсбергена, она одержала надъ гораздо сильнѣйшимъ турецкимъ флотомъ нѣсколько блестящихъ побѣдъ. Онѣ лишили крымскихъ татаръ турецкой помощи и только тогда нашей сухопутной арміи удалось съ ними справиться.

Въ то же время двѣ большія эскадры, подъ начальствомъ адмираловъ Спиридова и Эльфингстона, вышли осенью 1769 года изъ Кронштадта и прибыли въ Средиземное море. Здѣсь онѣ поступили подъ команду гр. Алексѣя Орлова и должны были поддерживать возстаніе христіанскихъ подданныхъ Турціи и угрожать Константинополю.

Орловъ уничтожилъ близъ города Чесмы главныя силы турецкаго флота и очистилъ отъ непріятельскихъ кораблей Средиземное море и наиболѣе важную его восточную часть — Архипелагъ. Такимъ образомъ, ему

удалось оттянуть часть турецкихъ войскъ къ южнымъ границамъ Оттоманской имперіи и тѣмъ значительно облегчить задачу нашей главной сухопутной арміи. Къ сожалѣнію, Орловъ, не будучи самъ морякомъ, не сумѣлъ, какъ слѣдуетъ, воспользоваться блестящей Чесменской побѣдой и, вмѣсто того, чтобы сейчасъ же спѣшить черезъ Дарданельскій проливъ къ Константинополю, потерялъ напрасно лучшее время на покореніе архипелагскихъ острововъ. А послѣ было уже поздно: турки, при помощи враждебныхъ намъ тогда французовъ, успѣли сильно укрѣпить этотъ узкій входъ въ Мраморное море и сосредоточить здѣсь уцѣлѣвшій еще флотъ.

Тѣмъ не менѣе, война закончилась въ 1774 году весьма выгоднымъ для Россіи мирнымъ договоромъ, по которому мы получили всѣ земли, примыкавшія къ Черному морю между рѣками Днѣпромъ и Бугомъ, крѣпости Кинбурнь, Керчь и Еникале и часть Азовскаго побережья съ городами Азовомъ и Таганрогомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Порта признала независимость крымскихъ и кубанскихъ татаръ и вынуждена была предоставить нашимъ купеческимъ судамъ свободный выходъ изъ Чернаго моря въ Средиземное.

Х.

Лишенный покровительства султана, Крымъ не могъ въ сосѣдствѣ съ могучей Россіей долго сохранить своей самостоятельности. Воспользовавшись весьма ловко временнымъ ослабленіемъ наиболѣе опасныхъ для насъ въ то время державъ, Англіи и Франціи, Екатерина въ 1783 году безъ кровопролитія овладѣла Крымомъ. Турція, конечно, не могла намъ этого простить и, разжигаемая нашими многочисленными врагами, четыре года

спустя, снова объявила Россіи войну. Франція и Пруссія всѣми силами раздували ее и пытались поднять противъ насъ Польшу и Швецію. Но особенно старалась въ этомъ отношеніи Англія. Въ первую войну она даже благосклонно относилась къ нашему флоту, на зло соперницѣ своей Франціи. Но теперь ее уже стали пугать быстрый ростъ Россіи, ея рѣшительное стремленіе къ Черному морю и созданіе на немъ сильнаго флота. Происки англичанъ увѣнчались успѣхомъ, и Швеція, поддерживаемая денежной помощью Англіи и Франціи въ слѣдующемъ 1788 году тоже объявила намъ войну.

Положеніе Россіи, подвергшейся одновременному нападенію съ сѣвера и юга, было очень тяжелое. Нужно было во что бы то ни стало удержать добытыя съ такими усиліями моря Балтійское и Черное. Отъ посылки балтійскаго флота въ Средиземное море на этотъ разъ пришлось, конечно, отказаться.

Черноморскій флотъ былъ подчиненъ самому даровитому сотруднику Императрицы, свѣтлѣйшему князю Потемкину - Таврическому. Въ Севастополѣ готовились линейные корабли, а въ Херсонѣ — флотилія изъ мелкихъ парусныхъ и гребныхъ судовъ. Первые морскіе бои произошли на Днѣпровскомъ лиманѣ. Особенно отличился капитанъ Сакенъ; онъ сцѣпился на своей галерѣ съ турецкими судами и вмѣстѣ съ ними взорвался. Послѣ этого турки боялись близко подходить къ русскимъ судамъ. Рядомъ съ моряками сражался на Кинбурнской косѣ Суворовъ. Въ Николинъ день, 6 Декабря 1788 года, палъ, наконецъ, осажденный арміей Потемкина Очаковъ. Все это и особенно рѣшительныя побѣды, одержанныя адмираломъ Ф. Ф. Ушаковымъ надъ гораздо болѣе значительными силами непріятели, склонили Турцію къ миру. Послѣднее изъ этихъ морскихъ сраженій

(у м. Калиакріи) происходило 31 Іюля 1791 года, въ 60 верстахъ отъ Константинополя, куда и бѣжали въ ужасномъ видѣ разбитые турецкіе корабли. Это произвело страшнѣйшій переполохъ въ султанской столицѣ, откуда уже успѣли выѣхать турецкіе уполномоченные для веденія переговоровъ о мирѣ.

Условія его; вслѣдствіе отдѣленія нашей союзницы Австріи и заключенія ею особаго мира, враждебности Англіи, интригъ Пруссіи въ Польшѣ и проч., не вполне соотвѣтствовали нашимъ военнымъ успѣхамъ. Россія получила Очаковъ и области между рѣками Бугомъ и Днѣстромъ. Остальное осталось все по-старому.

Еще раньше удалось заключить миръ со Швеціей. Въ эту войну на долю флота выпало много дѣла. Въ самомъ началѣ, русская эскадра адмирала С. Грейга отрѣзала шведскій флотъ у острова Гохланда и тѣмъ спасла Петербургъ. Затѣмъ произошелъ цѣлый рядъ сраженій въ финляндскихъ шхерахъ и открытомъ морѣ (подъ начальствомъ адмираловъ принца Нассау-Зигена, Чичагова, Круза). Болѣе опытный и лучше снабженный шведскій флотъ тѣмъ не менѣе получилъ отъ нашего нѣсколько тяжелыхъ ударовъ.

Земельныхъ пріобрѣтеній отъ Швеціи въ эту кампанію Россія никакихъ не сдѣлала. Этому больше всего помѣшала Турція, съ которой предстояло еще развязаться. Но русскій флотъ своими успѣхами значительно укрѣпилъ и расширилъ свое вліяніе на Балтійскомъ морѣ.

Въ свободное отъ боевой службы время наши моряки предпринимали трудныя путешествія въ отдаленныя и мало извѣстныя страны Сибири и составляли описанія этихъ странъ и ихъ карты. Туда же стремились, соблазняемые преувеличенными слухами о привольномъ житьѣ и легкой наживѣ, наиболѣе предприимчивые рус-

скіе промышленники. Ихъ невольно тянуло на дальній востокъ, въ невѣдомые и заманчивые края, на широкой океанскій просторъ. Такимъ путемъ Россіи, безъ всякихъ почти затратъ со стороны казны, удалось сдѣлать значительныя приобрѣтенія въ Азіи и Америкѣ.

Извѣстные до того времени лишь по слухамъ Медвѣжьи острова (противъ устья рѣки Колымья) были обследованы и изучены сержантомъ Андреевымъ. Купецъ Ляховъ открылъ между рѣками Яною и Индигиркою острова, названные въ честь его Ляховскими; а затѣмъ сѣвернѣе ихъ — острова Котельный и Столбовой. Промышленникъ Готовъ и казакъ Пономаревъ не только открыли дальніе Алеутскіе острова, Умнаки и Упалнаки, но и привели ихъ жителей въ русское подданство. То же сдѣлалъ купецъ Толстыхъ на шести другихъ Алеутскихъ островахъ, названныхъ имъ Адрияновскими. Захвативъ еще часть Курильскихъ острововъ, наши промышленники добрались понемногу до береговъ Сѣверной Америки.

Рыльскій купецъ Шелеховъ при помощи оружія овладѣлъ островомъ *Кадьякъ* (близъ Аляски) и построилъ небольшія укрѣпленія на ближайшемъ къ нему американскомъ берегу. Основанная Шелеховымъ компанія, опираясь на Кадьякъ, какъ на главный портъ, посылали отсюда свои суда къ сѣверу, вокругъ полуострова Аляска, и на югъ къ острову *Ситха*. Послѣдній славился обиліемъ бобровъ и прекрасной гаванью, почему на немъ основанъ былъ впоследствии большой городъ *Новоархангельскъ*, замѣнившій собою Кадьякскій портъ. Съ тѣхъ поръ Новоархангельскъ сталъ постояннымъ мѣстопробываніемъ правителя новыхъ колоній. Во времена Екатерины должность эту весьма искусно исполнялъ не получившій образованія, но дѣятельный и умный каргопольскій купецъ Барановъ. За первыя 45 лѣтъ своего

существованія промыслы у береговъ Америки доставили русскимъ предпринимателямъ до шести съ половиною милліоновъ рублей за проданные мѣха. А число всѣхъ компанейскихъ судовъ за это время доходило до семидесяти.

Въ 1799 году отдѣльныя предпріятія русскихъ промышленниковъ на водахъ Тихаго океана окончательно слились въ одну *Россійско-Американскую компанію*, которую Императоръ Павелъ принялъ подъ свое покровительство, даровавъ ей особыя привилегіи (преимущества) на двадцать лѣтъ.

Россія всегда была сторонницей свободной морской торговли. Еще Борисъ Годуновъ, отклоняя исключительныя притязанія англійскихъ купцовъ, указывалъ на то, что честная торговля открыта у насъ для всѣхъ народовъ, и что „Божію дорогу, окіанъ-море, какъ мочно переняты и унять и затворить?“—Такого же взгляда придерживались Петръ Великій и Елизавета Петровна. Но Екатерина II пошла еще дальше своихъ предшественниковъ.

Въ 1774 году вспыхнуло возстаніе въ сѣверо-американскихъ колоніяхъ Англій, перешедшее затѣмъ въ войну за независимость ихъ и освобожденіе отъ англійской опеки. Въ Сѣверномъ океанѣ появились американскіе *каперы* *) и стали захватывать коммерческія суда, поддерживавшія торговлю съ Онежскимъ и Архангельскимъ портами. Возмущенная такимъ дерзкимъ хозяйничаніемъ чужихъ судовъ у береговъ Россіи, Императрица отправила противъ каперовъ эскадру контръ-адмирала Хметевскаго изъ 4-хъ судовъ.

*) Каперомъ называется частное судно, получившее отъ своего правительства свидѣтельство (патентъ) на право враждебныхъ дѣйствій противъ непріятельскихъ судовъ. Будучи слишкомъ слабыми для дѣйствія противъ военныхъ кораблей, которые стараются избѣгать ихъ, они нападаютъ лишь на торговые суда.

Это не спасло, однако, нашу торговлю отъ нападеній на этотъ разъ уже англійскихъ и испанскихъ каперовъ. Для болѣе надежнаго огражденія ея на будущее время Екатерина объявила въ 1780 году воюющимъ державамъ правила, соблюденія которыхъ она намѣрена добиваться силой. Сущность ихъ заключалась въ слѣдующемъ:

1) *Нейтральные* корабли могутъ свободно плавать какъ въ открытомъ морѣ, такъ и у береговъ воюющихъ государствъ.

2) На нейтральныхъ судахъ можно перевозить и непріятельскій грузъ, за исключеніемъ лишь *военной контрабанды* (т.-е. оружія и военныхъ припасовъ).

3) *Блокированнымъ* (т.-е. запертымъ непріятельскимъ флотомъ) портъ считается лишь тогда, когда входъ въ него дѣйствительно прегражденъ достаточной морской силой.

4) Правила эти будутъ служить руководствомъ для *призовыхъ судовъ*, т.-е. для тѣхъ судебныхъ учреждений, которыя обязаны разсматривать дѣла о захваченныхъ въ морѣ *призахъ* (судахъ).

Поддерживавшія Америку Испанія и Франція, а также нейтральныя державы: Данія, Швеція, Голландія, Португалія, Пруссія и Австрія согласились подчиниться требованіямъ Россіи и вмѣстѣ съ нею составили союзъ, извѣстный подъ именемъ „*Вооруженнаго Нейтралитета*“. Одна только Англія уклонилась отъ прямого участія въ этой невыгодной для нея сдѣлки. Но и она вынуждена была считаться съ единодушными желаніями остальныхъ европейскихъ государствъ.

Для поддержанія постановленій созданнаго ею „Вооруженнаго Нейтралитета“, Императрица Екатерина отправила три сильныя эскадры, подъ начальствомъ адмираловъ Борисова и Круза, и бригадира Палибина: въ

Средиземное море, въ Нѣмецкое море и въ Атлантическій океанъ. Въ составъ ихъ входило 15 кораблей и нѣсколько меньшихъ судовъ.

Успѣхъ былъ полный: къ концу войны каперы почти совершенно исчезли, и торговля нейтральныхъ государствъ происходила безъ всякой помѣхи.

Екатерина II высоко цѣнила заслуги возрожденнаго ею флота и такъ высказывалась о немъ въ письмѣ къ Потемкину:

„Я всегда отмѣннымъ окомъ взираю на всѣ флотскія дѣла. Успѣхи онаго меня всегда радовали болѣе, нежели сухопутныя, понеже къ симъ изстари Россія привыкла, а о морскихъ ея подвигахъ лишь въ мое царствованіе прямо слышно стало; до дней онаго морская часть считалась слабѣйшею. Черноморскій же флотъ есть наше заведеніе, собственное, слѣдовательно, сердцу близкое“.

XI.

Императоръ Павелъ, вступивъ на престолъ, сохранилъ за собой званіе генераль-адмирала и этимъ ясно показалъ, какое значеніе онъ придавалъ морской силѣ. Флотъ при немъ продолжалъ развиваться и крѣпнуть. Глазъ Державнаго адмирала слѣдилъ за нимъ съ вниманіемъ и любовью.

Государь мечталъ о долгомъ мирѣ, но съ запада надвигались грозныя тучи, и ничего хорошаго ожидать нельзя было. Пожаръ разгорѣлся во Франціи, но зарево его было видно во всѣхъ уголкахъ Европы. Французы свергли свое правительство, убили короля и, одержимые жаждой завоеваній, устремлялись въ сосѣднія страны. Собственно, Россіи меньше всего можно было опасаться отъ этого какихъ-либо бѣдствій; но таковъ уже былъ

общій переполохъ, что даже мудрая Екатерина, подъ конецъ своего царствованія, не могла удержаться отъ вмѣшательства въ совершенно чуждое намъ дѣло. Англія, стремившаяся при всякомъ удобномъ случаѣ ослабить свою естественную соперницу на морѣ, Францію, успѣла весьма искусно вооружить противъ нее почти всѣ европейскія государства, въ томъ числѣ и Россію. Екатерина послала 20 кораблей и фрегатовъ на помощь Англіи въ Сѣверное (Нѣмецкое) море. Павелъ послѣдовалъ ея примѣру. Въ 1799 году онъ вмѣстѣ съ флотомъ отправилъ и отрядъ сухопутныхъ войскъ для совмѣстныхъ дѣйствій съ англичанами противъ французовъ, завладѣвшихъ Голландіей.

Походъ этотъ, кромѣ непріятностей и потерь, ничего Россіи не принесъ. Выиграла одна только Англія, которой удалось при нашемъ содѣйствіи захватить весь голландскій флотъ и такимъ образомъ избавиться отъ другого могущественнаго соперника своего на морѣ.

Въ то же время французскимъ войскамъ удалось овладѣть Италіей и островомъ Мальтой и высадиться въ Египтѣ. Государь отправилъ противъ нихъ Суворова съ 60-тысячной арміей и адмирала Ушакова съ черноморскимъ флотомъ. Суворовъ долженъ былъ дѣйствовать вмѣстѣ съ австрійцами въ Италіи, а Ушаковъ съ турками — въ Средиземномъ морѣ. Къ русской эскадрѣ, состоявшей изъ 16 судовъ и имѣвшей небольшое количество сухопутныхъ войскъ, присоединилось въ Дарданеллахъ 23 турецкихъ судна. Ушаковъ освободилъ принадлежавшіе Турціи Іоническіе острова отъ французовъ и одержалъ надъ ними нѣсколько побѣдъ въ Италіи. Но въ концѣ концовъ всѣ его подвиги такъ же, какъ и подвиги Суворова, послужили на пользу только нашимъ союзникамъ. Съ непріателемъ было намъ

гораздо легче справиться, чѣмъ съ происками англичанъ и австрійцевъ. Командовавшій англійскимъ флотомъ знаменитый адмиралъ Нельсонъ особенно старался повредить всѣмъ предпріятіямъ Ушакова. Потерявъ терпѣніе, Императоръ Павелъ отозвалъ свои войска и флотъ и вскорѣ вступилъ въ союзъ съ Франціей, во главѣ которой стоялъ уже тогда окруженный военной славой Наполеонъ. Государь совѣтовалъ ему сдѣлать высадку на берега англійскаго королевства, а самъ повелѣлъ отряду казаковъ двинуться къ границамъ Индіи, самой богатой изъ англійскихъ колоній.

Англія не замедлила прислать въ Балтійское море сильный флотъ, но внезапная кончина Павла Петровича прекратила распрю Россіи съ Англіей въ самомъ началѣ.

ХІІ.

Подобно своему отцу, юный Императоръ Александръ I стремился обезпечить истощенному многолѣтней борьбой государству необходимый покой. Не мало дѣла предстояло ему и у себя дома. Къ тому же война съ Англіей не пользовалась сочувствіемъ въ народѣ: уменьшился вывозъ русскихъ произведеній за границу, и поднялись цѣны на иностранные товары.

Но и Александру I не удалось избѣжать той же участи. Правда, онъ успѣшилъ заключить миръ съ Англіей, но затѣмъ, подчиняясь попеременно преобладающему вліянію то этой державы, то Франціи на европейскія дѣла, Государь незамѣтно самъ втянулся въ борьбу, и она наполнила все его двадцатипятилѣтнее царствованіе.

Войны съ Франціей, Англіей, Швеціей, Турціей и Персіей чередовались между собой. Во всѣхъ принималъ.

посильное, а подчасъ и весьма видное . участіе нашъ флотъ. Но для него прошли хорошія времена. Самъ Государь, постоянно отвлекаемый сухопутными войнами и не чувствовавшій лично особой любви къ морскому дѣлу, не могъ удѣлить ему много вниманія. Осматривая морскія учрежденія въ Николаевѣ, Императоръ Александръ самъ подтвердилъ это, обратившись къ адмиралу Алексѣю Грейгу со слѣдующими словами: „Впрочемъ, я сужу о морскомъ дѣлѣ, какъ слѣпой о краскахъ. Вина не моя: лучшіе года мои прошли въ сухопутной войнѣ“.

Большинство стоявшихъ во главѣ морского управленія лицъ не сознавало лежавшей на нихъ отвѣтственности передъ своею родиной и не принимало никакихъ мѣръ для поддержанія морской силы на подобающей для Россіи высотѣ. Нѣсколько десятковъ выдающихся морскихъ офицеровъ не въ силахъ были при всѣхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ того времени спасти флотъ отъ грозившаго ему вырожденія.

Непрерывныя войны вели къ безпрестаннымъ и часто весьма неожиданнымъ колебаніямъ въ политикѣ. Вчерашніе друзья становились сегодня врагами, и наоборотъ. Это особенно тяжело отражалось на нашемъ флотѣ, удаленномъ отъ своего отечества иногда на громадныя разстоянія и подолгу лишенномъ всякаго общенія съ нимъ.

Въ 1805 году Россія въ союзѣ съ Англіей, Австріей и Швеціей выступила противъ Франціи. Эскадра адмирала Д. Сенявина прибыла въ Средиземное море и стала дѣйствовать противъ Ионическихъ острововъ и береговъ Далмаціи, занятыхъ французскими войсками. Вскорѣ, однако, подстрекаемая Наполеономъ, Турція объявила Россіи войну. Союзный намъ англійскій флотъ прошелъ Дарданельскій проливъ и появился у Константинополя, но потерпѣлъ неудачу и съ большими потерями вернулся

обратно въ Средиземное море. Сенявинъ предложилъ возобновить эту попытку, но англичане, опасаясь утверженія русской власти въ этомъ важномъ проходѣ, отказали ему въ своемъ содѣйствіи. Несмотря, однако, на такое недружелюбное отношеніе союзниковъ, русскому флоту удалось нанести туркамъ въ 1807 году рѣшительный ударъ у Дарданелль и у Аѳонской горы; прекращеніе же нашими судами подвоза къ Константинополю сѣстныхъ припасовъ вызвало бунтъ въ турецкой столицѣ и сверженіе султана.

Испугавшись самостоятельныхъ успѣховъ Сенявина, англійскій адмиралъ Дуквортъ предложилъ ему впредь дѣйствовать совмѣстно. Но какъ разъ въ это самое время Императоръ Александръ отвернулся отъ Англии и заключилъ съ Франціей миръ. Эта перемѣна произошла такъ быстро, что русскому флоту не удалось вернуться въ Балтійское море, и онъ попалъ въ руки англичанъ. Только исключительному искусству Сенявина и его мужеству Россія обязана была спасеніемъ своего достоинства въ этомъ тяжеломъ испытаніи и сравнительно снисходительными условіями, на которыхъ состоялась передача нашей эскадры англичанамъ до окончанія войны.

Англійскій флотъ явился въ Балтійское море, а вскорѣ къ нему присоединился и шведскій. Но открытая борьба съ Англіей оказывалась для насъ обыкновенно выгоднѣе ея лицемѣрной дружбы. Англійскій флотъ избѣгалъ рѣшительныхъ столкновеній съ нашимъ, а мелкіе его успѣхи не могли помѣшать нашей шхерной флотилии рядомъ побѣдъ надъ шведами содѣйствовать арміи въ покореніи всей Финляндіи.

Тѣмъ временемъ война съ Турціей продолжалась, но флотъ нашъ могъ дѣйствовать лишь на Черномъ морѣ. Сначала предполагалось одновременно съ прорывомъ че-

резь Дарданеллы Сенявина напасть на Константинополь и съ Чернаго моря. Такой рѣшительный ударъ лучше и быстрѣ всего кончилъ бы кампанію. Но Черноморскій флотъ оказался въ очень плохомъ состояніи, да и сухопутныхъ войскъ для посадки на суда не хватало. Поневолѣ пришлось отказаться отъ выгоднаго дѣла и размѣнять свои силы на мелочи. Корабельный флотъ, подъ начальствомъ адмирала С. Пустошкина, взялъ крѣпость *Анапу*, гнѣздо закубанскихъ хищниковъ. Этимъ собственно и ограничились почти всѣ наши успѣхи на морѣ. Остальныя дѣйствія у турецкихъ береговъ и противъ непріятельскаго флота отличались вялостью и нерѣшительностью. Пренебреженіе къ нуждамъ флота и невниманіе къ его личному составу, продолжавшіяся долгіе годы, сдѣлали свое дѣло, и послѣдствія ихъ сказывались теперь на каждомъ шагу. Только гребная флотилія на Дунаѣ, поставленная въ нѣсколько болѣе благопріятныя условія, оказала дѣйствительное содѣйствіе нашей сухопутной арміи.

Одновременно шла борьба и на Каспійскомъ морѣ, съ Персіей. При помощи нашего флота взята была крѣпость *Ленкорань*, и Россіи удалось овладѣть почти всѣми берегами этого моря. Это приблизило насъ къ самому большому мѣсту Англій—Индіи и сдѣлало англичанъ еще подозрительнѣе. Съ тѣхъ поръ, не брезгая никакими средствами, они употребляли всѣ усилія, чтобы затормозить наше дальнѣйшее наступленіе въ Азію и ослабить Россію, гдѣ только возможно.

Послѣ долгой и бесплодной войны Англія, наконецъ, заключила миръ съ Россіей и сейчасъ же возстановила ее противъ своей единственной соперницы, Франціи, напрасно старавшейся упрочить нашу мимолетную дружбу. Оскорбленный Наполеонъ двинулъ свою громадную армію на Москву.

Отечественная война 1812 года закончилась изгнаниемъ французовъ изъ Россіи, но, къ сожалѣнію, мы, вопреки совѣту главнокомандующаго Кутузова, не остановились на этомъ, а увлеклись преслѣдованіемъ ихъ и за границей. Наполеонъ палъ, но плодами этой побѣды воспользовались въ ущербъ Россіи только наши союзники: Англія, Австрія и Пруссія.

Войны 1812—1815 годовъ велись главнымъ образомъ на сухомъ пути, и флотъ нашъ почти не принималъ въ нихъ никакого участія. Часть же оставшихся на берегу морскихъ командъ вошла въ составъ сухопутной арміи и совершила съ нею весь многотрудный походъ къ Парижу.

ХІІІ.

Флотъ пользовался особымъ расположеніемъ молодого и смѣлаго Императора Николая Павловича. Россія крѣпла и увеличивала быстро свою морскую силу. Англія ревниво слѣдила за спускомъ на воду каждаго нашего корабля, особенно въ Черномъ морѣ, откуда русскій флотъ могъ раньше или позже вырваться на большую торговую дорогу Средиземнаго моря. Не пора ли остановить насъ? Англія прибѣгаетъ къ обычному своему въ такихъ случаяхъ способу. Она завариваетъ гдѣ-нибудь въ подходящемъ мѣстѣ кашу и приглашаетъ другія державы ее расхлебывать.

Она оказала денежную поддержку возставшимъ противъ султана грекамъ и втянула въ это дѣло Россію и Францію. Соединившіяся эскадры всѣхъ трехъ государствъ, подъ главенствомъ англійскаго адмирала, разгромили 8 Октября 1827 года турецкій флотъ у крѣпости *Наваринъ*. Послѣ этой побѣды союзники поки-

нули Россію и предоставили ей самой вѣдаться съ Турціей. Началась война 1828 и 1829 годовъ.

Согрѣтый живительными лучами царскаго вниманія и воспитанный подѣ благотворнымъ руководствомъ адмирала А. С. Грейга, черноморскій флотъ преобразился до неузнаваемости. При его непосредственномъ участіи были взяты у турокъ весьма сильныя крѣпости, Анапа и Варна, и множество менѣе значительныхъ. Благодаря этимъ успѣхамъ и безусловному господству нашего флота на Черномъ морѣ, русская армія могла избрать для своего наступленія въ Турцію самый выгодный и обезпеченный продовольствіемъ путь вдоль морского берега. Турецкій флотъ уклонялся отъ рѣшительнаго боя въ открытомъ морѣ, но иногда случались отдѣльныя столкновения. Между ними особеннаго вниманія заслуживаетъ достопамятный въ лѣтописяхъ русскаго флота бой брига „Меркурій“ съ двумя турецкими кораблями 14 мая 1829 года. Вся команда этого маленькаго суденышка рѣшила лучше взорваться, чѣмъ сдаться во много разъ сильнѣйшему непріятелю, и дала ему такой жестокой отпоръ, что турки вынуждены были отказаться отъ дальнѣйшаго преслѣдованія.

Война завершилась почетнымъ для насъ миромъ еще въ Адрианополѣ, потому что, занявъ его и опираясь своимъ лѣвымъ крыломъ на Черноморскій флотъ, а правымъ на эскадру графа Гейдена въ Архипелагѣ, русская армія очутилась въ такомъ же выгодномъ положеніи, какъ если бы она стояла подѣ стѣнами самаго Константинополя. Благодаря этому, она безъ ущерба для дѣла избавилась отъ необходимости продлить кампанію и овладѣть сильно укрѣпленною столицею. Между прочимъ Турція уступила Россіи нѣсколько крѣпостей на Кавказѣ и устья Дуная и обязалась не имѣть на лѣвомъ берегу этой рѣки никакихъ укрѣпленій.

Это не помѣшало, однако, установленію затѣмъ съ Турціей самыхъ дружескихъ отношеній, подкрѣпленныхъ одно время даже особымъ, весьма выгоднымъ для насъ союзнымъ договоромъ. Въ благодарность за оказанную Императоромъ Николаемъ I помощь при усмиреніи возставшаго египетскаго паши, султанъ предоставилъ русскому флоту особья права на пользованіе въ извѣстныхъ случаяхъ турецкими проливами, Константинопольскимъ (Босфоръ) и Дарданельскимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вліяніе наше на Порту сильно возросло.

Всего этого было болѣе чѣмъ достаточно, чтобы надъ Россіей опять скопились грозовыя тучи. Въ 1853 г. онѣ разразились новой войной съ Турціей, къ которой, спустя годъ, присоединились Англія, Франція и Сардинія. Эту войну у насъ называютъ Восточною, Крымскою и Севастопольскою. Послѣднее названіе наиболѣе подходящее, такъ какъ душою союза была все та же Англія, стремившаяся прежде всего уничтожить этотъ лучшій русскій портъ и стоявшій въ немъ флотъ Россіи. Пока мы имѣли дѣло съ одной Турціей, флотъ нашъ по-прежнему господствовалъ на Черномъ морѣ. Это господство ознаменовалось 18 ноября 1853 года блестящей побѣдой адмирала Нахимова надъ укрывшейся въ Синопѣ турецкой эскадрой. Но, съ прибытіемъ англо-французскаго флота, обстоятельства совершенно измѣнились. У союзниковъ не только было значительно больше судовъ, но между ними насчитывалось не мало паровыхъ. А въ русскомъ такихъ вовсе не было. Пришлось ограничиться обороной и даже для прегражденія входа въ Севастопольскую гавань затопить часть своихъ кораблей. Пушки и команды съ нихъ пошли на севастопольскія укрѣпленія. Вынужденные отказаться отъ совершенно немислимой борьбы на морѣ, русскіе моряки перенесли ее

на сушу. Закаленные въ бояхъ съ врагомъ и непогодой, выросшіе въ тѣсной морской семьѣ, подъ духовной опекой и руководствомъ преемника Грейга, знаменитаго адмирала Михаила Петровича Лазарева, они сумѣли сплотить вокругъ себя всѣхъ храбрыхъ защитниковъ Севастополя. Въ этомъ великая заслуга нашихъ моряковъ, и имена славныхъ адмираловъ: Корнилова, Нахимова, Истомина и другихъ героевъ, легшихъ костями на бастіонахъ многострадальнаго города, навѣки останутся въ памяти народной. „Но есть невозможное и для героевъ!“— сказано въ Высочайшемъ приказѣ по арміи и флоту, и послѣ одиннадцатимѣсячной непримѣрной обороны Севастополь все же пришлось отдать врагамъ.

Въ Балтійскомъ морѣ флотъ нашъ былъ въ такихъ же невыгодныхъ условіяхъ, но самое присутствіе его въ Кронштадтѣ и Свеаборгѣ уже удерживало громадныя морскія силы непріятели отъ всякихъ рѣшительныхъ дѣйствій.

Старый парусный флотъ нашъ, достигшій въ царствованіе Императора Николая I наибольшаго могущества, отжилъ свой вѣкъ. На смѣну устарѣвшимъ паруснымъ кораблямъ появились въ передовыхъ странахъ Европы пароходы и винтовые корабли. Россія безпечно отнеслась къ этимъ нововведеніямъ и получила подъ Севастополемъ суровый урокъ.

XIV.

Въ разгаръ войны скончался Николай Павловичъ, оставивъ сыну своему Александру Николаевичу, впоследствии Царю-Освободителю, тяжелое наслѣдіе. Славная, но безнадежная борьба закончилась мирнымъ дого-

воромъ, подписаннымъ въ Парижѣ въ 1856 году. Побѣжденная Россія должна была покориться его невыгоднымъ условіямъ. Она обязалась не имѣть на Черномъ морѣ боевого флота и отказалась отъ своихъ исключительныхъ правъ прилегающей къ этому морю державы. Устья Дуная пришлось возвратити Турціи. Понятно, что въ такомъ неестественномъ для великой державы положеніи Россія не могла долго оставаться. Императоръ Александръ II воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы возстановити свои державныя права у себя дома. Вмѣстѣ съ тѣмъ началась усиленная постройка флота, отвѣчающаго новымъ требованіямъ; а ихъ было не мало. Паровыя суда стали покрывать толстыми желѣзными плитами или броней. Такіе *броненосцы* вооружались уже *наръзной* артиллеріей, болѣе мѣткой и дальнобойной, чѣмъ прежняя гладкоствольная. Въ дополненіе къ пушкамъ явились *мины*. Всѣ эти дорого стоившія нововведенія требовали громадныхъ расходовъ и значительнаго количества заводовъ и свѣдущихъ людей. Россіи неоткуда было получить ихъ, да еще въ короткое время. Морское вѣдомство, подъ просвѣщеннымъ и твердымъ руководствомъ генераль-адмирала Великаго Князя Константина Николаевича, напрягало всѣ усилія для созданія броненоснаго флота. Но при тогдашней неблагопріятной обстановкѣ удовлетворительное исполненіе этой задачи было почти невозможно, независимо отъ допущенныхъ при созиданіи новаго флота крупныхъ ошибокъ. Отвѣтственность за нихъ было бы несправедливо возлагать на одно морское вѣдомство. Оно получило послѣ Крымской кампаніи слишкомъ печальное наслѣдство! Недовѣріе къ флоту и сомнѣніе въ его необходимости для континентальной державы, какова Россія, повели прежде всего къ сокращенію расходовъ на флотъ. На отпускавшіяся

ничтожныя суммы наше правительство склонно было строить по преимуществу *броненосцы береговой обороны*, и *пловучія батареи*, т.-е. суда, совершенно не пригодныя для дальняго плаванія и боя въ открытомъ морѣ. При такихъ условіяхъ созданіе внушительной морской силы являлось дѣломъ во всякомъ случаѣ крайне затруднительнымъ. На Балтійскомъ морѣ намъ это въ извѣстной степени все-таки удалось, но на Черномъ у насъ не было ни одного настоящаго боевого судна, если не считать двухъ *поповокъ*, совершенно круглыхъ броненосцевъ, названныхъ такъ по имени своего изобрѣтателя адмирала Попова. А между тѣмъ, именно на Черномъ морѣ, боевыя суда намъ были всего нужнѣе.

Заступничество за братьевъ славянъ, страдавшихъ подъ мусульманскимъ игомъ, довело Россію до новаго столкновенія съ Турціей. Въ этой войнѣ русскій флотъ принималъ весьма незначительное участіе. Англія помѣшала намъ отправить балтійскую эскадру въ Средиземное море, а на Черномъ морѣ мы могли противопоставить сильному турецкому флоту лишь далеко не удачныя поправки и легкіе коммерческіе пароходы, наскоро вооруженные пушками и минами. Особенно отличались своими подвигами пароходы „Веста“, подъ командою капитанъ - лейтенанта Баранова и „Великій Князь Константинъ“, подъ командою лейтенанта Макарова.

На Дунаѣ было нѣсколько морскихъ отрядовъ съ паровыми шлюпками, вооруженными минами. На такихъ скорлупахъ лейтенантамъ Дубасову и Шестакову посчастливилось взорвать и потопить большой броненосецъ. Кромѣ того, моряки вмѣстѣ съ саперами заградили во многихъ мѣстахъ Дунай и такимъ образомъ обезпечили нашу армію отъ нападенія турецкихъ броненосцевъ во время переправы.

Побѣдоносная война 1877 и 1878 годовъ окончилась, однако, для Россіи весьма прискорбно. Европейскія державы, съ Англіей, Австріей и Германіей во главѣ, постарались умалить до-нѣльзя всѣ блестящіе успѣхи русскаго оружія.

Одной изъ важныхъ причинъ такой неудачи слѣдуетъ безусловно признать отсутствіе у насъ на Черномъ и Средиземномъ моряхъ сильнаго флота въ самые тяжелые для насъ дни, къ концу войны. Армія стояла недалеко отъ Константинополя, но ей не на что было опереть свои крылья, какъ въ 1829 году. Проливы оставались въ рукахъ Турціи, и она не замедлила впустить въ Мраморное море флотъ враждебной намъ Англіи. Для недопущенія его въ Черное море нужно было заградить минами Босфоръ, но и для этого требовался флотъ. Правда, мы могли бы его получить тогда же и въ готовомъ видѣ отъ той же Турціи, въ счетъ условленной платы за военныя издержки, что и предлагалъ нашъ посолъ Игнатьевъ, но Англія воспротивилась этому, и мы, изъ опасенія дальнѣйшихъ осложненій, къ сожалѣнію, уступили.

Враждебность Англіи и ея безпрестанныя угрозы принудили Россію готовиться къ открытой борьбѣ съ нею. Правительство наше приступило къ единовременной постройкѣ цѣлой сотни небольшихъ, но быстроходныхъ минныхъ судовъ или *миноносокъ*. Въ виду ихъ важнаго боевого значенія, наглядно подтвержденнаго минувшей войной, онѣ уже пользовались у насъ всеобщимъ сочувствіемъ. Но тогдашнія миноноски были еще слишкомъ малы для борьбы въ открытомъ морѣ, и онѣ предназначались исключительно для обороны балтійскихъ береговъ. Достойно вниманія, что въ это поистинѣ тяжкое для Россіи время мы нашли возможнымъ построить всѣ

эти суда (за исключеніемъ 10, сооруженныхъ въ Германіи) у себя дома, на казенныхъ и частныхъ заводахъ.

Для нанесенія чувствительнаго удара Англіи, съ флотомъ которой намъ состязаться было немислимо, пришлось прибѣгнуть къ покупкѣ быстроходныхъ коммерческихъ пароходовъ и вооружить ихъ для нападенія въ океанѣ на торговыя суда непріятели. Подходящихъ судовъ у насъ не было, и рѣшено было приобрести ихъ за границей на пожертванія, собранныя со всей Россіи. Такимъ образомъ явился у насъ народный или *Добровольный флотъ*, существующій до настоящаго времени.

Крейсера этого флота и миноноски сдѣлали то, чего не могли сдѣлать всѣ наши миролюбивыя попытки поладить съ англичанами: войны удалось избѣгнуть.

XV.

Развитіе и процвѣтаніе морской силы находятся въ большой зависимости отъ внѣшней политики, т.-е. отъ характера отношеній къ другимъ государствамъ. При Царѣ - Миротворцѣ Александрѣ III Россія окончательно освободилась отъ иностраннаго и особенно нѣмецкаго вліянія и пошла своимъ собственнымъ историческимъ путемъ. „Россія для русскихъ“, вотъ простое правило, которымъ руководствовался всю жизнь свою покойный Государь. И этого было достаточно, чтобы вознести наше отечество на подобающую ему высоту. Миролюбивому и величаво-спокойному представителю такого же народа посчастливилось избѣжать во все свое 13-лѣтнее царствованіе какого бы то ни было вооруженнаго столкновенія, не поступаясь для этого ни честью, ни достояніемъ Россіи. Достигнуть такого успѣха можно было, однако, лишь всегдашнею готовностью къ войнѣ, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ.

Государь любилъ флотъ и отлично зналъ его. Онъ часто посѣщалъ корабли и совершалъ иногда на нихъ плаванія. Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ—нынѣ царствующій Государь—отправился въ кругосвѣтное путешествіе на крейсеръ „Память Азова“, въ сопровожденіи цѣлой эскадры. Братъ его, Великій Князь Георгій Александровичъ, три года проплавалъ на военныхъ судахъ. Все это краснорѣчиво свидѣтельствовало о личномъ вниманіи и довѣрїи покойнаго Государя къ своему флоту, напомнившія ему лучшія времена своего существованія.

Въ первый же годъ царствованія Императора Александра III учреждена была комиссія для разсмотрѣнія вопроса объ увеличеніи нашихъ морскихъ силъ. Она составила соображенія о постройкѣ флота въ теченіе 20 лѣтъ. Къ 1902 году онъ долженъ былъ быть совершенно готовъ. Но быстрое развитіе морского дѣла значительно затруднило выполненіе намѣченныхъ уже работъ и измѣнило первоначальныя предположенія. Учлѣлъ отъ нихъ одинъ основной взглядъ, что уже недостаточно, какъ прежде, сообразовать силу русскаго флота только съ флотами Даніи, Швеціи и Турціи, но необходимо принять въ расчетъ и морскія силы Германіи, Китая и Японіи.

Императоръ Александръ Александровичъ принималъ личное участіе въ Турецкой войнѣ 1877 и 1878 годовъ, а потому могъ наглядно убѣдиться въ крайней необходимости флота на Черномъ морѣ. При первой же возможности потребность эта была удовлетворена.

6 Мая 1886 года сошелъ на воду въ Севастополѣ, въ Высочайшемъ присутствіи, первый броненосецъ „Чесма“, и Государь отдалъ по Черноморскому флоту слѣдующій знаменательный приказъ:

„Прошло тридцать лѣтъ, какъ Черноморскій флотъ, совершивъ славные подвиги, принесъ себя въ жертву для блага Россіи и перенесся духомъ на памятные холмы Севастополя. Нынѣ флотъ этотъ возникаетъ вновь на радость долго скорбѣвшаго о немъ Отечества. Воля и помыслы Мои направлены къ мирному развитію народнаго благоденствія, но обстоятельства могутъ затруднить исполненіе Моихъ желаній и вынудить Меня на вооруженную защиту государственнаго достоинства. Вы будете стоять за него со Мною съ преданностью и дивившею современниковъ стойкостью, вызванными, по зову дѣда Моего, вашими предшественниками. На водахъ, свидѣляхъ ихъ доблестей, ввѣряю вамъ охрану чести и спокойствія Россіи“.

Одновременно росли наши морскія силы и въ Балтійскомъ морѣ, сначала медленно, а съ 1890 года ускоренно, и къ концу царствованія у насъ было: 16 эскадренныхъ броненосцевъ, 21 крейсеръ, 144 минныхъ судна и большое количество другихъ судовъ. Значительная часть ихъ отправлена была въ Тихій океанъ, для охраны нашихъ интересовъ на Дальнемъ Востокѣ. Кромѣ того, большая боевая эскадра служила отличной школой для обученія команды и офицеровъ. И то и другое было весьма важно для Россіи, стремившейся выйти на океанскій просторъ и встрѣчавшей на пути своемъ не мало препятствій. Естественное стремленіе это выразилось и въ постройкѣ Сибирской желѣзной дороги, дороги, заложенной лично Наслѣдникомъ Цесаревичемъ 19 Мая 1891 года во Владивостокѣ.

XVI.

Осенью 1894 года, незадолго до кончины Императора Александра III, вспыхнула на дальнемъ востокѣ

Японо-Китайская война. Подъ вліяніемъ общенія съ образованными европейскими народами, Японія сдѣлала въ послѣднее время огромные успѣхи въ своемъ развитіи. Особенно быстро сумѣла она перенять у европейцевъ все необходимое для войны на морѣ и на сушѣ и создать хорошую армію и превосходный флотъ. Почувствовавъ свою силу, Японія рѣшила отнять у Китая находившуюся подъ его верховной властью Корею. Близкое сосѣдство съ нею Японскихъ острововъ значительно облегчало это предпріятіе и дѣлало ее еще соблазнительнѣе. Китай не ожидалъ нападенія и, по своей отсталости, не могъ дать должнаго отпора японскимъ притязаніямъ. Японія побѣдила и поставила своему противнику условія, въ силу которыхъ должна была къ ней присоединиться между прочимъ часть Квантунскаго полуострова съ крѣпостью Портъ-Артуръ. Японцы взяли его силой во время войны, а потому, конечно, имѣли законное право требовать его уступки при заключеніи мира. Но это представляло серіозную опасность для другихъ державъ, имѣвшихъ политическія и торговыя связи съ Китаемъ, въ томъ числѣ и Россіи. Находясь на самой южной оконечности сосѣдней съ нею Манджуріи, у входа въ Печилійскій заливъ, Портъ-Артуръ давалъ бы возможность смѣлымъ и предпріимчивымъ японцамъ одновременно угрожать Пекину и независимой уже теперь отъ Китая Корее. Чтобы предупредить такія тревожныя послѣдствія и обезпечить миръ на востокѣ, Россія, совмѣстно съ Германіей и Франціей, возстала противъ присоединенія Квантунскаго полуострова къ Японіи. Послѣдняя вынуждена была покориться, затаивъ свое недовольство.

Между тѣмъ Россія, продолжая тянуться къ океану, хлопотала о приобрѣтеніи для своего тихо-океанскаго флота незамерзающаго порта, который въ то же время

могъ бы служить конечнымъ пунктомъ великаго Сибирскаго пути. Нѣмцы уже успѣли получить отъ Китая хорошую бухту Кіо - Чау, и можно было ожидать, что и англичане не пропустятъ удобнаго случая утвердиться гдѣ-нибудь поблизости.

Нужно было торопиться, и 16 марта 1898 года русская эскадра, съ согласія китайскаго правительства, заняла Портъ-Артуръ и Талиенванъ (городъ Дальній), съ прилегающими къ нимъ участками Квантунскаго полуострова. Англія сейчасъ же поспѣшила занять расположенный южнѣе и напротивъ Портъ - Артура китайскій портъ Вей - Ха - Вей, откуда ей весьма удобно было слѣдить за всѣми дѣйствіями нашего флота и, въ случаѣ надобности, угрожать ему. Самолюбію же японцевъ оно нанесло второй, болѣе жестокой ударъ, и съ тѣхъ поръ мечь съ ихъ стороны являлась лишь вопросомъ времени.

Такимъ образомъ, занятое Россіей положеніе на Дальнемъ востокѣ вызвало враждебное къ ней настроеніе нѣсколькихъ державъ и требовало особенной осторожности. Прежде всего, конечно, необходимо было возможно скорѣе усилить тихо-океанскій флотъ, по крайней мѣрѣ, сравнявъ его съ японскимъ.

Россія, считавшаяся еще въ царствованіе Александра II „большой первокласной, *хотя и не морской державой*“ *), теперь торжественно, съ высоты Престола, объявлена была „*великой морской державой*“ **).

Нынѣ благополучно царствующій Императоръ Николай Александровичъ, имѣвшій возможность лично побывать на Дальнемъ востокѣ и близко ознакомиться съ нуждами

*) Всеподданнѣйшій отчетъ генералъ-адмирала за двадцатипятилѣтіе съ 1855—1880 годъ.

***) Высочайшій рескриптъ на имя министра Иностранныхъ дѣлъ графа Муравьева, отъ 1 Января 1900 года.

тамъ Своего флота, повелѣлъ отпустить на постройку новыхъ судовъ 90 милліоновъ рублей, при чемъ на докладѣ объ этомъ изволилъ начертать слѣдующія слова:

„Да благословить Господь и да увѣнчаетъ Онъ успѣхомъ великое дѣло усиленія родного флота на пользу и славу Россіи!“

Тѣмъ временемъ въ Китаѣ начались внутреннія смуты, и мятежники, подъ именемъ „*Большихъ Кулаковъ*“ или „*Боксеровъ*“, стали убивать иностранцевъ и принявшихъ христіанство китайцевъ. Весною 1900 года они даже овладѣли Пекиномъ и осадили иностранныя посольства.

На выручку послѣднихъ отправлены были въ числѣ другихъ и русскія войска изъ Квантуна. По пути въ китайскую столицу, они въ Тянь-Цзинѣ подверглись нападенію мятежниковъ, другой отрядъ которыхъ успѣлъ занять въ устьѣ рѣки Пейхо укрѣпленія Таку. Европейскимъ войскамъ угрожала опасность быть отрѣзанными отъ моря, гдѣ находились военныя суда съ подкрѣпленіями и припасами. Тогда нѣсколько небольшихъ судовъ, въ томъ числѣ и наши канонерскія лодки—„Бобръ“, „Кореецъ“ и „Гилякъ“, вошли въ рѣку и стали противъ китайскихъ фортовъ. Въ ночь съ 3 на 4 іюня мятежники открыли огонь, и завязалась жестокая перестрѣлка. При поддержкѣ судовыхъ пушекъ сухопутный двухтысячный отрядъ изъ русскихъ, французовъ, американцевъ, японцевъ, нѣмцевъ и англичанъ овладѣлъ на утро фортами.

Китайскія морскія силы не принимали въ этой войнѣ никакого участія, но флоту нашему, несмотря на это, пришлось много поработать. Пока не явились сухопутныя войска, онъ свозилъ на берегъ *десантъ*, т. е. часть своихъ судовыхъ командъ; затѣмъ онъ перевозилъ солдатъ, боевые и съѣстные припасы; охранялъ тылъ и сообщенія со стороны моря отъ всегда возможныхъ слу-

чайностей. Въ этой скромной, но весьма важной дѣятельности ему помогли и суда Добровольнаго флота.

Большіе Кулаки нерѣдко пользовались не только сочувствіемъ, но и содѣйствіемъ китайскихъ сановниковъ и генераловъ. Лѣтомъ 1900 года стали повторяться все чаще и чаще нападенія на восточно - китайскую желѣзную дорогу, которую мы провели черезъ Манджурію, съ разрѣшенія китайскаго правительства. Вскорѣ мятежники дошли до такой дерзости, что напали уже на наши собственныя пріамурскія владѣнія. Въ виду такого положенія дѣлъ, русскія войска вынуждены были перейти въ наступленіе и занять Манджурію.

Это не понравилось Японіи. Ее стала сильно тревожить непосредственная близость русскихъ силъ къ границамъ Кореи; той самой Кореи, которую японцамъ удалось занять въ 1894 году, но не удалось оставить за собой, благодаря русскому вмѣшательству. Они рѣшили заставить насъ очистить Манджурію и добиться особыхъ правъ въ Корей.

Начались дипломатическіе переговоры, но разгоряченная и подстрекаемая Англійей и Америкой Японія, не дождавшись ихъ окончанія, отозвала своего посла изъ Петербурга, а два дня спустя, японскій флотъ безъ объявленія войны вѣроломно напалъ на нашу эскадру въ Портъ-Артуръ.

Японцы страшно торопились, опасаясь нашего усиленія на сухомъ пути и особенно на морѣ. Вспомогательный отрядъ судовъ, высланный изъ Балтійскаго моря, дѣйствительно не успѣлъ уже присоединиться къ тихоокеанскому флоту. Послѣдній состоялъ теперь изъ большаго количества прекрасныхъ боевыхъ судовъ, но все же онъ былъ почти въ два раза слабѣ японскаго.

Слабость эта объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что Россія надѣялась все-таки избѣжать войны и только

на всякій случай готовилась къ ней, предполагая закончить усиленіе своего флота лишь въ 1905 году; а Японія сдѣлала это уже тремя годами раньше и только искала предлога для разрыва. Она не жалѣла денегъ на флотъ и истратила на него не только почти все полученное съ Китая военное вознагражденіе (контрибуцію), но и особый 10-процентный сборъ со всѣхъ служащихъ.

Японіи дорого было время, потому что въ будущемъ—1905—году мы имѣли бы въ Тихомъ океанѣ, вмѣсто теперешнихъ 7 броненосцевъ, тринадцать и въ общемъ были бы сильнѣе японцевъ на морѣ раза въ полтора. А затѣмъ, послѣ 1905 года, русскій флотъ продолжалъ бы постепенно расти, тогда какъ у Японіи изсякли бы уже средства на постройку новыхъ судовъ.

Необходимость флота для Россіи въ настоящую войну очевидна.

Отнять Корею у Японіи однѣми сухопутными силами трудно: мѣстность гористая, дорогъ почти нѣтъ; подвозъ для наступающей арміи запасовъ крайне затруднителенъ. Другое дѣло — перевозка моремъ.

Война — не забава. Разъ начатая, она должна быть доведена до конца. Японію необходимо не только наказать, но и *обезсилить на долгое время, лишивъ ее возможности и впредь вредить намъ*. Добиться этого возможно только нападеніемъ на ея острова, что безъ флота сдѣлать немислимо.

Слабость теперь русскаго флота на Дальнемъ востокѣ предоставила японцамъ полную свободу дѣйствій и дала ему возможность высадить войска около Инкоу (Ньючванга), въ тылу нашей арміи.

Напротивъ того, если бы Россія располагала въ Тихомъ океанѣ флотомъ значительно сильнѣйшимъ, чѣмъ Японія, то и войны никакой не было бы.

XVII.

Изъ этого краткаго историческаго обзора видно, что флотъ сослужилъ Россіи великую и ничѣмъ незамѣнимую службу.

Объединеніе разбросанныхъ по обширной русской равнинѣ славянскихъ племенъ совершилось при помощи мореходной силы прибрежныхъ славянъ. Безпрерывно двигаясь по рѣчнымъ путямъ, эти природные моряки своею предприимчивостью и смѣлостью заражали своихъ осѣдлыхъ братьевъ и пробуждали въ нихъ сознание единства, принадлежности къ одному общему русскому народу.

При Петрѣ Великомъ морская сила получила новую, болѣе осмысленную и опредѣленную форму. Флотъ даль Россіи Балтійское море и сблизилъ ее съ просвѣщенной и богатой Европой. Азіатская „Московія“ вошла въ кругъ европейскихъ державъ подъ именемъ Россійскій Имперіи.

Дальнѣйшее расширеніе нашихъ границъ до естественныхъ болѣе или менѣе предѣловъ происходило при большемъ содѣйствіи флота, нежели арміи. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣлствуютъ обширныя приобрѣтенія въ Азіи и Америкѣ, сдѣланныя Россіей исключительно при помощи своихъ судовъ.

Итакъ, морская сила служила для нашего объединенія, обогащенія и защиты отъ враговъ. Такъ было въ прошломъ. Чего же мы въ правѣ ожидать отъ нея въ будущемъ?

Самые жизненные интересы Россіи сосредоточены теперь въ Европѣ и Азіи. Въ другихъ частяхъ свѣта у насъ мало дѣла. Но наши владѣнія раскинулись на огромныя разстоянія, между ними наиболѣе удобнымъ и дешевымъ морскимъ сообщеніямъ постоянно угрожаетъ Англія. Борьба съ нею, правда, возможна и на сушѣ, со стороны Индіи: мы уже значительно приблизились

къ ней въ Туркестанѣ (Мервѣ) и въ Бухарѣ (Памиръ), но все же не вошли еще съ нею въ непосредственное сосѣдство. Во всякомъ случаѣ, дѣло это весьма сложное и не легкое, и врядъ ли наши успѣхи здѣсь могли бы обезпечить Россіи необходимыя для ея военныхъ и торговыхъ цѣлей морскія сообщенія. Сдѣлать это можетъ только флотъ, какъ собственно линейный или боевой, такъ и крейсерскій.

У насъ пока почти нѣтъ морской торговли, и нашъ коммерческій флотъ весьма незначителенъ. У Англіи, наоборотъ, все богатство ея на морѣ и въ заморскихъ колоніяхъ. Это ея наиболѣе уязвимая сторона. Но для того, чтобы воспользоваться этою слабостью Англіи, Россія должна обладать весьма сильнымъ флотомъ и хорошо оборудованными *морскими станціями*. Значеніе послѣднихъ можно пояснить наглядно слѣдующимъ примѣромъ:

Въ первую турецкую войну при Екатеринѣ II успѣхи русскаго флота въ Средиземномъ морѣ находились въ большой зависимости отъ такой станціи. Сочувствіе къ Россіи греческаго населенія архипелажскихъ острововъ позволило графу Орлову устроить ее на одномъ изъ этихъ острововъ. Къ сожалѣнію, въ настоящее время мы не имѣемъ въ Средиземномъ морѣ никакой станціи, почему эскадра, не успѣвшая соединиться съ тихо-океанскимъ флотомъ, не могла тамъ оставаться до прибытія новыхъ подкрѣпленій, а должна была вернуться въ Россію.

Россію все еще продолжаютъ считать, по старой памяти, державой *континентальной*, т.-е. сухопутной. Но это можно допустить только въ томъ смыслѣ, что у нея, сравнительно съ громадною поверхностью и значительнымъ протяженіемъ морскихъ границъ, пока весьма немного удобныхъ для мореплаванія береговъ и гаваней. Мы знаемъ съ какими страшными усиліями приходилось

ей пробиваться къ морю, и сколько разъ нашимъ врагамъ удавалось отбрасывать ее назадъ. Къ тому же и доставшіяся намъ съ такимъ трудомъ моря находятся и по сей часъ въ очень невыгодномъ положеніи. Бѣлое, Балтійское, Черное и Каспійское, раскинуты въ разныя стороны и разобщены между собой такъ же, какъ Портъ-Артуръ и Владивостокъ въ Тихомъ океанѣ.

Бѣлое море во многихъ отношеніяхъ весьма неудобно. Каспійское—совершенно замкнуто, большое озеро. Выходъ изъ Балтійскаго моря въ чужихъ рукахъ, главнымъ образомъ Германіи; изъ Чернаго моря—въ рукахъ Турціи и подъ самымъ зоркимъ наблюденіемъ Англии. Сообщеніе между Портъ-Артуромъ и Владивостокомъ—въ рукахъ Японіи.

Со Швеціей у насъ счеты покончены, съ Даніей воевать намъ нѣтъ причинъ. Остается Германія, сумѣвшая на нашихъ глазахъ, въ какія-нибудь 30-40 лѣтъ, преобразиться изъ такой же, какъ Россія, „сухопутной“ державы въ настоящую морскую. Нѣмцы, подобно японцамъ, ничего не жалѣютъ для увеличенія своего флота и уже достигли очень многого. Въ этомъ отношеніи и намъ не мѣшало бы кое-чему у нихъ поучиться. Для обороны своихъ балтійскихъ береговъ, въ случаѣ появленія въ виду ихъ германскаго или англійскаго флота, Россія должна располагать сильными приморскими крѣпостями и многочисленной флотиліей миноносцевъ.

На Черномъ морѣ мы должны быть безусловно господами и потому должны тамъ содержать флотъ болѣе сильный, чѣмъ турецкій. Но этого мало. Рано или поздно нашему черноморскому флоту придется силой проложить себѣ путь черезъ турецкіе проливы и обезпечить, наконецъ, давно желанную свободу сообщенія съ Средиземнымъ моремъ. Для этого необходимы большіе эска-

дренные броненосцы и достаточно сильный минный флотъ.

Но самую большую часть своихъ морскихъ силъ Россія должна будетъ держать на Дальнемъ востокѣ, какъ это уже было выяснено раньше.

При такихъ условіяхъ содержаніе флота, отвѣчающаго насущнымъ потребностямъ великой міровой и морской державы, представляетъ громадныя затрудненія. Но, такъ или иначе, преодолѣть ихъ во что бы то ни стало необходимо. Жизнь народовъ, какъ и отдѣльныхъ людей, назадъ не идетъ, и мы не можемъ, въ угоду нѣмцамъ и англичанамъ, уничтожить созданіе Великаго Петра, доказавшее болѣе чѣмъ двухсотлѣтнею службою свою живучесть и необходимость, и вернуться къ временамъ Московской Руси.

Если Петръ считалъ флотъ одной изъ рукъ своего государства, то тѣмъ болѣе справедливо это сравненіе теперь. Но какой рукой: правой или лѣвой? Объ этомъ гениальный Царь и полководецъ не упомянулъ. И тутъ есть глубокій смыслъ.

Все зависитъ отъ *обстановки*. Напримѣръ, въ настоящей войнѣ съ Японіей ему, такъ сказать, самой природой указано быть *правой* рукой и, если это въ дѣйствительности не совсѣмъ такъ, то въ этомъ меньше всего виноватъ самъ флотъ.

Все это безошибочно угадалъ своею чуткою душою весь русскій народъ, не перестающій жертвовать своею достояніемъ на флотъ, несмотря на его первыя неудачи и роковыя случайности.

Въ такомъ всенародномъ сознаниі и сочувствіи лежитъ самый вѣрный залогъ успѣшнаго созданія мощнаго флота на славу и пользу нашей великой родины.

Цѣна 20 коп.